Все, кроме правды

Автор:
Джиллиан Макаллистер

Все, кроме правды

Джиллиан Макаллистер

Психологический триллер (АСТ)

Все началось с письма.

Рейчел не собиралась читать почту Джека.

Они любят друг друга, и у них будет ребенок.

Но Рейчел не может забыть увиденного и теперь должна узнать правду любой ценой.

Насколько Вы можете доверять человеку, которого любите?

Джиллиан Макаллистер

Все, кроме правды

Gillian McAllister

EVERYTHING BUT THE TRUTH

Серия «Психологический триллер»

© Gillian McAllister, 2017

© Перевод. М. Б. Левин, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Моему отцу.

Мы обещали друг другу, что никогда не расстанемся.

И теперь наши мысли навеки вместе – на печатных страницах.

Наш характер – это то, что мы делаем, думая, что никто нас не видит.

Х. Джексон Браун-младший

Все кончилось страшным обвинением. Никогда не думала, что могу такое сказать, но я швырнула в него этими словами, как гранатой. Все остальное было после: хлопнувшая дверь, каждое утро мысли о случившемся, невозможность забыть взгляд, брошенный им перед уходом.

Но начиналось – с любви. Легкой и радостной.

Я любила смотреть его профиль в Фейсбуке, когда его, застенчивого, неожиданно фотографировали на вечеринках и на этих кадрах он выглядел

мрачным сурикатом. Я любила его ипохондрию – он часто звонил врачу со словами «это я» и смущался – по-своему, по-шотландски.

Я любила того человека, каким он хотел быть, – аккуратного и точного, который в порыве минимализма выбросил всю свою одежду, а потом, смущаясь, ходил докупать носки. Я любила и того человека, каким он старался не быть: всегда опаздывал, заправлял футболку в джинсы, в ожидании поезда приглаживал торчащие на затылке волосы, потому что дома не было времени уложить их гелем. Я любила его бессознательные действия, когда он протягивал руку, останавливая младшего брата у края дороги; выливал остатки молока в чай мне, а не себе. Я любила, когда он приходил из тренажерного зала в почтительном страхе перед «качками».

И конечно же, я любила его тело: маленькие уши, уголки рта, изогнутые в улыбке. Любила смотреть на его руки, когда он закатывал рукава рубашки.

Я любила еще многое – всякие мелочи. Мне нравилось, что он не умел свистеть. Разделяла его политические и религиозные взгляды: «Я не верю в Бога, но страшно его боюсь». Мне нравилось, что он не умел сидеть спокойно. Он, возможно, единственный, кто покупал печенье «Вэгон уилз», макал его в чай и называл это завтраком.

И любила, когда он смотрел из-под тяжелых век, улыбаясь своей особой, с ямочками, улыбкой – только для меня. Больше всего я любила именно это: его взгляд и улыбку – вот что было главное.

До ребенка.

И до обмана.

Часть первая

Кто?

Глава 1

Сейчас

Мы уже засыпали. Лежали как одно существо, тесно прижавшись друг к другу. Внезапная вспышка так ярко осветила комнату, что даже сквозь закрытые веки серое стало иссиня-белым.

Я села. Пуховое одеяло соскользнуло, и я покрылась мурашками. В доме Джека всегда было очень холодно. Я пыталась понять, что же засветилось.

Это был айпад, лежащий на прикроватной тумбочке.

Не знаю, зачем я решила посмотреть. Сквозь сон вылезла из-под одеяла и дотянулась до айпада, мое голое тело призраком отразилось в больших окнах еще до того, как я осознала, что делаю.

Документ 1

От кого: Чарли Мастерс

Кому: Джек Росс

Тема: Fwd: Зверское преступление Дугласа снова выходит на свет

Привет! Прости, что снова вытаскиваю твою историю, но решил, тебе нужно это посмотреть, чтобы быть в курсе.

Отправитель: Чарли Мастерс. Имя мне незнакомо. Я знала только родных Джека, но никого из друзей.

Я замерла, палец завис в воздухе. Одно касание – и я увижу письмо целиком. Наверное, промедлила лишнюю секунду, потому что экран потускнел и погас, я

положила айпад на тумбочку, почти забыв о сообщении и своем мимолетном дурацком желании.

За окном стояла совершенно черная ньюкаслская ночь, скрывающая знакомый сельский пейзаж.

– Рейч, что ты там делаешь? – зевнул Джек.

Я любила его шотландский акцент и тихий, чуть хриплый голос и такой низкий, что даже малознакомые люди это отмечали.

Джек повернулся и, сев, зажег свет. Глядя на его темные растрепавшиеся волосы, бороду и волосатую грудь, я подумала, что он похож на пещерного человека.

– Какой-то гаджет включился, – сказала я.

– Наверное, кот балуется, – произнес Джек сонным голосом.

– Может быть, он как раз тут был, – соврала я и оглядела комнату.

Джек не украшал дом – по-настоящему, как я бы хотела. Единственная вещь на фоне голых кирпичей – даже штор не было – слегка загибающийся на уголках зернистый снимок УЗИ.

Он увидел, куда я смотрю.

– Что там Уолли делает? – спросил он.

Мы прозвали малыша Уолли, потому что никто из нас не мог разглядеть его на снимке[1 - «Где Уолли?» – серия детских книг, в которых нужно найти героя – Уолли – на картинках, где изображено множество людей. (Здесь и далее прим. редактора.)]. Прозвище прижилось.

– Спит, – улыбнулась я. И застенчиво натянула одеяло до шеи, зная, что при свете лампы на груди особенно видны толстые синие вены, появившиеся у меня внезапно – почти за одну ночь.

Джек улыбнулся в ответ, потом встал и вышел из комнаты. Я смотрела, как он идет по коридору, – высокий и стройный, на оливковой коже играет льющийся из окна лунный свет. Он шел, шлепая босыми ногами, и у меня сердце пело, а внизу живота приятно тянуло, когда я видела его голым. И я снова была готова, хотя все уже произошло всего пару часов назад. Вот она – ненасытность недавних любовников.

Он вернулся через пару секунд с грелкой в одной руке и с рыжим котом Говардом в другой.

Джек недавно стал так делать – приносить грелку. Увидел, как я это делаю, и без слов взял эту обязанность на себя. Каждую ночь, где бы мы ни спали, у меня или у него, он с улыбкой приносил мне грелку.

– Говорила же тебе, что он тут, – показала я на кота.

Говард, который висел тряпочкой на руке Джека, вывернул голову и посмотрел на меня с недоумением.

– Зараза он, – сказал Джек, а Говард выскользнул из его руки на кровать.

Джек временно работал в Ньюкасле на журнал «Сити лайтс». Ненадолгое время переехал сюда из Шотландии. Первый раз придя к нему в гости, я спросила, зачем он завел кота. «Холостой мужчина, любитель котов?» – спросила я, поддразнивая. «В любом доме должен быть кот, – ответил он. – В каждом холостом доме. А кто не согласен, тот не прав».

Сейчас Джек сел рядом с Говардом и, глядя на меня, улыбнулся.

Я подумала, перестанет ли у меня когда-нибудь кружиться голова под его взглядом? Все время ходила как оглушенная, часто ловила себя на том, что радостно улыбаюсь себе в зеркале ванной, снимая косметику его мылом «Нивея».

Вместо того чтобы все это выразить словами, я спросила:

– Когда шторы повесишь?

И чувствовала себя глупой, выглядывая из-под пухового одеяла.

Джек всерьез задумался над моей просьбой, хотя ему самому, конечно, на шторы было наплевать.

– Когда окончательно сюда переедешь. Да и все равно соседи уже все видели. – Он иронично приподнял бровь.

Это была одна из наших шуток: как у нас много секса и как мы хорошо это умеем – так хорошо, что сделали ребенка.

– Ты какие хотела бы?

– Хорошие и плотные, – ответила я. – Свет меня будит.

– Считай, что сделано, – кивнул он и указал мне за спину. – Передай мне, а?

Я моргнула, сделав вид, что впервые заметила айпад и не держала его минуту назад, едва не открыв письмо. Взяв планшет в руки, я почувствовала, что он теплее обычного. Или мне так показалось.

Джек не включал его, экран оставался темным.

– В субботу начался сезон регби, – сказал он.

Я повернулась на бок, опершись на локоть. Говард устроился у меня в ногах, не шелковый и приятный, как обычные коты, а толстый и тяжелый, словно большой книжный том.

– Никогда не встречалась с регбистом, – усмехнулась я.

– Даже в школе?

Я презрительно фыркнула:

– Ты серьезно?

– Ой, я забыл, что твоя школа была в Бронксе! – иронично заметил Джек, и его рука, исчезнув под пуховым одеялом, легла мне на бедро.

Все мое тело напряглось в ожидании, в левой стороне закололо пузырьками, в животе завертелось огненное колесо фейерверка. Я пыталась сосредоточиться, но это было невозможно.

– Самая лучшая в Ньюкасле, – парировала я. – Не все же могут себе позволить пансион, у которого свой гимн и постоянно проживающий персонал. Расскажи еще раз, что вам давали на завтрак?

Это была одна из наших любимых игр, и я каждый раз заставляла Джека придумывать какое-нибудь новое причудливое блюдо и рассказывать об этом моим друзьям и родным. Сейчас он опустил голову, изображая смущение.

– Тигровые креветки с пак-чоем[2 - Пак-чой – китайская листовая капуста.]? – предложил Джек и весело хмыкнул басовито и тихо, спрятав лицо в ладони. – Прошу занести в протокол, что мне стыдно.

– Пак-чой! – повторила я, хохоча. – Пак-чой!

– Невозможно же играть в лакросс, если не заправиться как следует пак-чоем.

– Наши учителя носили пуленепробиваемые жилеты, – сказала я.

– Не может быть!

– Один семестр, после того как Джонни Стил принес винтовку в школу.

– Вау, – произнес он одними губами и передвинул руку ниже, чуть перебирая пальцами, будто на пианино. Его рука лежала спокойно, расслабленно, а вот выражение лица на миг стало взволнованным. – Но все равно, как-нибудь в субботу ты должна ко мне присоединиться. Не на матч, это скучно, а после. Когда будем отмечать.

– О’кей, – согласилась я.

По позвоночнику пробежал новый разряд счастья. От нашего блестящего начала, когда в кафе не отрывали взгляда друг от друга, когда целовались около ресторанов, не замечая официантов, потому что были переполнены друг другом; от пробравшей нас дрожи того дня, когда, глядя на положительный тест на беременность, мы просто не знали, что друг другу сказать. И вот теперь начинается осень, и я собираюсь пойти в его клуб, как и положено девушке регбиста.

– Ты действительно хочешь представить меня своим знакомым?

Я говорила шутливо, но рука Джека перестала меня гладить, и он ее убрал.

– Если хочешь, – ответил он, глядя на меня, в уголках глаз появились лучики.

Уже прошло почти семь месяцев, а он все еще не познакомил меня со своими друзьями. Я беременна три месяца, и Уолли из двух клеточек вырос до четырех, до восьми, до зародыша размером с мандарин. И вот наконец-то я получила приглашение. Лучше поздно, чем никогда.

– Там рядом само здание клуба, где все потом выпивают. Но обстановка слегка грубоватая.

– Слишком много пак-чоя?

Джек тихо засмеялся:

– В основном мужского шовинизма. Но ты не обращай внимания.

– Ну, что поделаешь.

Он улыбнулся мне. Быстро, но искренне. Я улыбнулась в ответ, и какое-то время мы смотрели друг на друга.

Первым отвернулся он, и я увидела, как у него побелел кончик пальца, нажимающий кнопку home на айпаде. Что-то у него в лице изменилось… точнее,

сначала что-то возникло и тут же исчезло, как если человек на вечеринке открыл дверь в дальнюю спальню, где оказалась парочка, и тут же ее захлопнул. Потом, не читая, удалил извещение, открыл приложение и стал читать Остен – кажется, он выбирал только книги, написанные женщинами, и от этого я его еще больше любила. Выражение его загорелого лица было совершенно нейтральным. Я еще секунду смотрела на его пухлые губы, потом отвернулась.

И лежала, глядя в окно без штор, думая, что за эмоция промелькнула на лице Джека, под вот этой нарочито нейтральной маской.

– Тебе письмо пришло? – решилась я. – Мне показалось, экран включился.

Я смотрела в окно.

– Нет-нет, – ответил Джек.

Наверное, именно в этот момент все и пошло наперекосяк.

Мне нечего было добавить. Да и что я могла сказать? Возможно, ошиблась, или это был спам, о чем он уже забыл. Или обычное рабочее письмо, а работу он обсуждать не хочет.

– Посмотри на это, – позвал меня Джек через пару секунд.

Я повернулась к нему. У него подергивалась одна из грудных мышц.

– Пальпитация[3 - Пальпитация – усиленное сердцебиение.], – он смотрел на меня. В его дыхании ощущался запах зубной пасты и кофе, который он допил десять минут назад. Такой у него был вечерний ритуал – кофе, шоколад и в кровать. Так он растягивал последнюю и лучшую часть нашего вечера.

– Мышечная фасцикуляция, – возразила я сонно, – подергивания. Излишний кофеин, или ты просто стал преждевременно сдавать.

И я тихо засмеялась этой нашей шутке.

В Шотландии Джек был политическим журналистом и судебным репортером, потом перешел к описанию путешествий и любил это больше. Он часто ругал сам себя, что всегда сдает материал с опозданием.

Он вставал в десять и делал то, что по утрам может себе позволить лишь человек свободной профессии: запускал стирку, правильно варил фильтрованный кофе, открывал почту. Работу заканчивал в четыре часа дня и смотрел телеигру Pointless[4 - Pointless – британская телеигра, цель в которой предположить наименее популярный ответ и заработать наименьшее количество баллов.] под чай с печеньем.

В тех случаях, когда мой бывший бойфренд Бен, учитель, уклончиво говорил: «проверка работ», «ненормированный рабочий день» или «вечера бесед с родителями», Джек вполне охотно признавал себя раздолбаем. «Да, я могу устроить себе выходной в среду, если мне захочется! – говорил он за ужином. – Лучшая работа в мире».

Но на самом деле Джек не всегда так делал. Неделями мог работать до полуночи, у него отрастала борода, а образ жизни становился ночным. Потом он выдавал пачку отличных статей – прекрасной прозы – и возвращался к прежней жизни.

– Миорелаксант прими, если хочешь, – сказала я, – бускопан.

– А поможет? – спросил он таким тоном, будто ему нравился этот разговор.

Классический ответ человека тревожного типа, прямо по учебнику. Ему это и нужно: ответ и заверение от доктора. Но он был моим любимым тревожным типом.

– Вообще-то мышечные подергивания – ничего серьезного, – ответила я. – Но помочь должно.

– Значит, я не собираюсь сбросить эту смертную оболочку? – уточнил он, и рука, обнимающая меня, слегка взъерошила мои волосы.

– Нет, – заверила я. – Хотя ты ужасный ипохондрик.

– Знаю. Но знакомство с врачом – это очень удобно.

Мы вернулись к прежней позе: он обнимал меня сзади, а Говард устроился между нами. Джек заснул сразу же, а я нет. Никогда сразу не засыпаю.

И это случилось снова, как всегда бывало, когда я, наконец, проваливалась в сон. Мне привиделся мальчик, сидящий передо мной на полу, катетер свисал у него из ноздри прозрачным червем. Он тянулся ко мне, но мои ладони прошли через него насквозь, и мальчик исчез, когда я проснулась.

Глава 2

В мыслях я все возвращалась к тому письму. Даже не к нему, а к взгляду и лжи, маленькой невинной лжи. Впервые он мне соврал, пусть о ерунде.

На работе, посреди пыльных сводов законов, я решила покопаться в сети по этому поводу.

Моя ближайшая подруга Одри помогла мне получить работу секретаря-машинистки у адвоката по врачебным ошибкам. Работа мне, конечно, не нравилась, хотя я с интересом читала заметки и была единственной, кто может разобрать врачебный почерк.

Я взяла толковый словарь и стала искать определение.

Документ 2

Зверский прил.

1. Свойственный зверю, характерный для него.

2. перен. Агрессивный, жестокий акт, связанный с физическим насилием или травмой

Я кивнула и закрыла словарь.

Так, интереса ради посмотрела. Из любопытства.

Глава 3

Я проснулась оттого, что меня осторожно трясли за плечо. Было утро субботы, в комнате стояла сероватая синева.

– Рейч, Рейч! – звал меня Джек.

Этот волнующий голос, его руки на моем теле напомнили мне наши ранние дни, до беременности. Он позвонил мне через пять минут после окончания нашего первого свидания, сказал, что хочет приготовить для меня ужин, и спросил, когда я буду свободна.

Завтра, ответила я. Мы не играли в игры. Я приехала прямо из офиса – в рабочем костюме, с поплывшим макияжем. Он готовил фахитас из курицы, стоя босой в кухне. Представил меня своему коту.

«Я думаю, вы поладите, – сказал он и поцеловал меня – без предисловий, глубоко и страстно, прямо в коридоре. Потом добавил: – Мне не хочется останавливаться, но Говард все мясо съест».

Я открыла глаза.

– Что такое? – спросила я, и воспоминание о той давней сцене растаяло.

– Нам пора.

– Куда?

– Деловой завтрак. Собеседование с этим музыкантом – насчет его фестиваля.

Не слова заставили меня открыть глаза, а интонация. Такой настойчивости я даже не ожидала. Посмотрела на часы, светящиеся зеленым у дальней стены.

– В семь утра?

– Время он предложил… – Джек замолчал, не отрывая от меня глаз. – Я люблю тебя.

Он, не стесняясь, часто говорил мне об этом. Такая демонстрация чувств меня всегда будоражила.

Я села, опираясь на подушки, почему-то думая о своих спутанных волосах, и посмотрела на него. В эти первые дни беременности я никак не могла проснуться. До полудня все перед глазами плыло. Открыла рот, хотела спросить, могу ли я остаться, но передумала. В той ли мы уже стадии? Я не знала. Дом был не мой – его родители купили ему это временное прибежище в Ньюкасле. Мы еще не жили вместе. Быть может, такое предложение прозвучало бы лениво и неуместно?

Я покачала головой. У нас будет ребенок. И в любом случае скоро мы будем жить вместе. Так что мы уже в этой стадии – нравится ему или нет.

– Езжай ты, – попросила я. – Присмотрю за Говардом, а тебе сделаю сэндвич с беконом.

Я улыбнулась ему. Он молчал, не ответив на мою улыбку.

Глаза у меня постепенно привыкли к тусклому свету, и я безошибочно определила промелькнувшую панику. Его взгляд стал, как у собаки, услышавшей шум у входной двери среди ночи.

– Нет-нет. Так не получится.

– Вполне получится, – уговаривала я.

– Пожалуйста, вставай, – тон его был странным, почти льстивым. – Понимаешь, меня подвезти надо.

И не столько его слова, сколько его вид заставил меня свесить ноги с кровати. Он стоял надо мной, сопя и поторапливая, переминаясь с ноги на ногу, как человек, который куда-то сильно опаздывает.

– Джек, тебе нужно начать водить. Нельзя же сдать экзамен и не садиться за руль без причины.

Не знаю, зачем это сказала, момент был неподходящий.

– Ты права, но я слишком давно не ездил, нужно заниматься с инструктором, – буркнул он. – Давай, давай, – поторопил он меня, – вот твои вещи.

Он держал их в охапке, подбирал мои грязные носки с пола, совал мне в руки. Вещей было много, лифчик вывалился у меня из рук на пол, и Джек вздохнул.

– Да оставь их тут.

– Нет.

Он нашел мою сумку и стал набивать ее, забирая у меня одежду. Лицо его было бесстрастно, но руки дрожали. Мне показалось, что он в панике.

– Что случилось? – спросила я, глядя на его руки.

– Да ничего, просто опаздываю. Я всегда опаздываю.

Это была правда, и я отступила. Оделась. А он все это время стоял в ожидании возле дверей спальни. Какое-то беспокойное утро субботы, подумала я и повторила вопрос:

– Что стряслось? Ты как-то странно себя ведешь.

– Да нет, просто опаздываю. – Он говорил настойчиво.

Что я могла сказать? Там, где могла поспорить, не стала – из-за Уолли. И чтобы сохранить мир, но еще и потому, что чувствовала себя ответственной за эту беременность. Я не хотела добавлять новые сложности к тем, что уже вызвала.

Джек обулся и вымыл руки. Всегда так делал.

– Грязные, – он улыбнулся, увидев, что я на него смотрю. – Туфли грязные.

– Я скоро тоже начну так делать, – пошутила я.

– Попробуй, это же совершенно логично.

Джек, стоявший спиной к раковине, поманил меня к себе, я подошла. Он был теплый, грудные мышцы твердели под моими пальцами. Джек на миг меня обнял, уткнулся лицом мне в шею, щекоча дыханием. Я надела туфли, он включил для меня воду.

Даже не заметила, что стала делать: закатала рукава до локтей, выдавила мыло и как следует вымыла между пальцами, с тыльной стороны, со стороны ладоней, вверх по предплечьям, до локтей, подняла руки вертикально.

– Ты прямо как в «Анатомии Грей»[5 - «Анатомия Грей» («Анатомия страсти») – американский телесериал, в центре сюжета которого жизнь и работа врачей госпиталя, в котором и разворачиваются основные действия.] это делаешь, – заметил Джек.

– Ага! – я смущенно засмеялась. – Когда тебя научат, как надо мыть руки, по-другому уже не можешь.

Я взяла кухонное полотенце и вытерла руки, стараясь не замечать взгляда, который бросил на меня Джек.

В общем, не прошло и пяти минут с момента, как меня разбудили, а я уже сидела в холодной машине, ненакрашенная и в джинсах, слишком неуютных для субботнего утра. Потому что в субботу утром должна быть пижама и кровать Джека. А не вот это.

– Куда едем? – спросила я.

– Я покажу, пока прямо.

Через полмили он попросил меня свернуть налево и заехать на парковку. Там было известное кафе, куда мы всё намеревались сходить на обед, но пока так и не собрались. В машине мы провели три минуты, идти было бы минут десять.

Джек сидел, откинувшись на сиденье, явно успокоившийся.

– Прости, – сказал он.

– Ты же опаздываешь…

Он быстро мне улыбнулся, выходя.

– Как всегда.

Я посмотрела на часы – четверть восьмого.

– Спасибо! – Джек заглянул в окно машины. – Потом заеду?

В руках он держал ключи от дома.

– О’кей, – кивнула я.

Он секунду промедлил, опираясь локтями на край окна. Приподнял брови и прикусил нижнюю губу. Казалось, Джек хочет меня поцеловать, но он опаздывал, и неудобно было лезть головой в машину. Так что он лишь вытянул руку, погладил меня по плечу.

Я смотрела ему вслед. У двери он повернулся и послал воздушный поцелуй. У меня внутри все потеплело от радости, но мысли вертелись, как мотор на холостом ходу. Что-то странное было в его поведении, подумала я, но отбросила это свое назойливое любопытство. Наверно, он действительно просто опаздывает. Раздолбай.

Джек толкнул дверь и сел за столик. Его никто не ждал.

* * *

В тот же вечер Джек пришел ко мне. В доме всегда сновал народ, так что он сумел пройти, не звоня в дверь. Я не возражала, для него оставляла дверь в квартиру незапертой.

Когда он зашел, я внимательно посмотрела на него. Джек не казался смущенным или раскаивающимся, улыбался и принес десерт.

– Пудинг принес! – торжествующе провозгласил он, балансируя им на ладони, как официант.

Я ничего не ответила. Когда он вошел, я вытаскивала белье из машины, в руке у меня было мокрое полотенце.

Джек увидел мое лицо, и его улыбка погасла.

Утреннее происшествие не выходило у меня из головы целый день.

– Ни свет ни заря, – начала я, – ты меня разбудил. – Я стала загибать пальцы. – Заставил собрать вещи, везти тебя, хотя легко мог пешком дойти.

Он ждал, пока я закончу, пудинг так и парил в воздухе.

– И ты был… ты на меня огрызался, будто сердился, – говорила я, и самой стало противно, какой у меня жалкий голос. – А там никто не ждал. Я видела это кафе, оно было пусто.

– Прости меня, – сказал он, на миг отворачиваясь и ставя пудинг на кухонный стол.

Когда Джек снова повернулся ко мне, то смотрел прямо и взгляда не отводил.

– И?

– Предпочитаю извинения без оправданий. Иначе они бессмысленны.

– Но почему ты?..

– Просто запаниковал, прости меня. Всегда опаздываю, и это так раздражает. Прости меня. Я не должен был заставлять тебя подвозить меня. Скоро начну сам ездить.

– Дело не в подвозить, а в том, как ты со мной обращался.

– Прости, – повторил он.

Я пожала плечами, снова взялась за белье. Он, конечно, извинился, но время назад не вернешь.

Джек подошел помочь, взял всю кучу вещей и понес к сушилке.

– А скоро это будут крохотные вещи Уолли, – сказал он. – Маленькие детские носочки.

Детские носочки. Он мне такое уже однажды говорил, в тот день, когда мы делали тест на беременность. В тот странный, неожиданный день, полный смешанных чувств.

Мы купили цифровой тест, Джек сказал, это лучше, потому что легко можно вообразить розовую полоску там, где ее нет. А нам нужно знать точно.

Я-то и так знала, хотя старалась не придавать значения сильной тошноте, задержке, непонятным приступам головокружения и той ночи, когда обошлись без презерватива.

Вернувшись ко мне домой, мы сели на край ванны, а тест, который тикал как бомба, положили на подоконник. Через две минуты внимательно вглядывались в результат: «Беременность 1–2».

Так и было написано.

Джек заговорил первым:

– Вот как.

– Ага, именно так. – Я взглянула на него.

Вот в этот момент все и переменилось.

Потом я могла бы рассказывать, что причина, по которой аборт никогда даже не рассматривался, – мое медицинское образование. Я знала, как это происходит, видела, как бывает. Вакуумное устройство, извлеченный материал, кремация в больнице.

Но на самом деле причина была не в этом. И уж конечно не в моей убежденности, что я стану хорошей матерью. Нет, не после того что случилось с моей мамой, с тем мальчиком. Я тогда спать не могла, все думала, смогу ли вновь поверить в себя. Буду ли когда-нибудь достойна доверия.

Так что да, причина была не в этом, а в выражении на лице Джека. Он смотрел на результаты теста с радостью. Поднес кулак ко рту, как увлеченный игрушкой ребенок, и когда посмотрел на меня, глаза у него сияли.

– Я знаю… это не идеально. Мы еще не так давно вместе. Но… – он показал на тест, где все еще было написано: «Беременность 1–2»: – вот это – ты и я.

– Это да, – я не могла сдержать улыбку.

– И мы с тобой – настоящие асы.

– Точно.

– И еще – детские носочки. Самый лучший аргумент в пользу детей.

– Носочки?

– Маленькие детские носочки, – повторил он. – Есть ли что-нибудь умилительнее?

Воспоминания того дня погасли. Я подошла к Джеку и молча стала вешать простыню.

– Если хочешь, я могу уйти. Ты злишься? Я понимаю, это нечестно, будить тебя было свинством. Прости меня.

Я задумалась над его предложением, но это было слишком трудно. Меня тянуло к нему. Хотелось, чтобы он помог мне развесить стирку, потом вместе есть десерт и смеяться при этом. И чтобы его теплое тело лежало рядом с моим сегодня ночью. Слишком трудно было устоять.

И вообще, он всегда умел извиняться.

Глава 4

Год назад

С этим мальчиком мы поладили сразу же. Ему было шестнадцать, когда он появился в нашей клинике. Он был моим первым пациентом после того, как меня недавно приняли в ординатуру, и я впервые принимала решения сама. Ладони вспотели.

Он коллекционировал футбольные карточки, у него их были сотни. Они выпадали из карманов, когда он ерзал на стуле. Сыпались на пол, и он поспешно их подбирал, тщательно раскладывая в только ему понятной последовательности. Выглядел он совсем ребенком, младше своих шестнадцати лет. Страстный коллекционер.

– Это Ральф Каллахан, – бормотал он про себя, челка падала ему на глаза.

Его мама глянула на меня.

– Простите. Он живет в этих проклятых семидесятых. – Она показала карточку на коленях у мальчика, где был изображен игрок с модной в то время прической маллет. – Собирает старые футбольные карточки.

– Очень ретро, – я кивнула в сторону карточек, – и хипово.

Мальчик улыбнулся. Кожа у него была белая, а волосы и ресницы – темные. Щеки румяные. Такой идеальный румянец можно было выгодно продавать, если разлить по бутылочкам.

По его словам, ему стало трудно бегать. Казалось, что двор неровный, и колено ныло во время игры. В отделение он вошел, прихрамывая, и мысленно я сразу же поставила грустный диагноз. Всего шестнадцать лет. Травм не было. Почти постоянные боли в колене, достаточно сильные, чтобы пойти к врачу. Остеосаркома – рак кости. Мальчик снял джинсы и надел халат. Одно колено было существенно больше другого, в этот момент все стало окончательно ясно.

Отправила его на снимки и смотрела вслед. Хромота усилилась, когда он сошел с розовато-серого ковра кабинета на виниловый пол больничного коридора. Здесь все и изменилось: от «это ерунда, скоро пройдет, недельки три, не больше» до «надо бы с этим разобраться».

В тот день я его больше не видела. Мы с Амритом, мужем Одри, вместе пили колу в обеденный перерыв, и я ему рассказала про мальчика. Он посочувствовал. А потом я про него забыла: было много пациентов, слишком много дел. Но он появился снова, в семь вечера. Уборщица мыла линолеум перед кабинетом компьютерной томографии, и в коридоре пахло мастикой и лимоном.

– Здравствуйте! – сказала мне мать мальчика. Она убирала в сумку бумаги, и лицо у нее было перекошенное. Волосы спутались, будто она дергала себя за них. В ушах у нее были серьги-обручи, и бледные тени на веках резко контрастировали с черной подводкой.

– Я думала, вы уже дома.

– Нас позвали после обследования… – Она нахмурилась, удивленная моей неосведомленностью.

Тут я увидела подтверждение своих мыслей – в морщинах на лице матери, содранной коже вокруг указательного пальца, в бумагах у нее в руке. Когда выписывают, то таких писем не дают. И я поняла – она уже знает.

– Ваш коллега, младший доктор, он говорил с нами после сканирования. Плохие новости.

Я кивнула.

Мальчик на нас не смотрел, он перебирал свои карточки.

– Сочувствую, – я протянула к ней руку. Мне хотелось ей сказать все, что я знаю: рак кости – не худший случай, это может стать мелким событием, о котором через двадцать лет мальчик упомянет потрясенной подружке, жизнь не всегда будет такой хаотичной и неуправляемой. Но вместо всего этого я написала свой мобильный номер на бланке рецепта и протянула ей: – Любые вопросы, в любое время.

В ее глазах не было благодарности. Она еще не понимала, не была готова.

Мальчик посмотрел на меня, и его синие глаза сияли:

– Доктор, тот, другой, сказал, что у него дома есть Ален Гоулинг!

– Ален Гоулинг? – переспросила я, глядя на него с любопытством.

Мальчик махнул в сторону стопкой карточек:

– Центральный нападающий Ньюкасла. Он обещал принести карточку в следующий раз. – Он замолчал и посмотрел на меня. – Это серьезно? – спросил он уже без подростковой мрачности.

Я взглянула на его мать.

– Посмотрим, – сказала она.

Глава 5

Сейчас

Мы познакомились в Ньюкасле, возле Монумента[6 - Монумент – памятник графу Чарльзу Грею, установленный в центре Ньюкасла в поддержку избирательной реформы 1832 года. Итоговый проект закона был предложен Ч. Греем, который в то время был премьер-министром Великобритании.]. Был холодный март, прошел месяц после моего разрыва с Беном и лишь несколько месяцев после худшей зимы моей жизни.

Я – коренная джорди[7 - Джорди – уроженец Северо-Восточной Англии и также название диалекта данной территории.], и Джек – шотландец в командировке.

Забавно, конечно. Сколько раз ходила я мимо Монумента? Тысячи. Ходила за журналом «Смэш хитс» и сладостями, когда мне было одиннадцать и меня впервые отпустили в город одну. Ходила по пути в ночной клуб «Боут». Перестала ходить там, когда уехала в университет в Манчестер, и снова начала, когда вернулась. Монумент был для меня скорее личностью, а не элементом пейзажа.

А потом возле него я встретила Джека – лучшего человека, которого в жизни знала, отца моего ребенка. Оглядываясь в прошлое, не могу представить себе иного места, где я могла встретить мужчину, с которым захотела бы прожить всю жизнь. С Беном мы познакомились в школе, и наши отношения вполне соответствовали обстановке: провинциальные, мелкие и застенчивые.

А с Джеком мы сияли, целовались в супермаркете «Сайнсбериз» и смеялись. Мы были, как Монумент – ярко освещенный, гордо и высоко стоящий на фоне неба.

Джек приехал искать новые темы для журнала «Сити лайтс».

– Прошу прощения, – окликнул он меня.

И в этот момент моя жизнь сменила направление, хотя я тогда этого не поняла. Я была одна, без Бена, беспокоилась о своем будущем, а оно вот, стояло прямо передо мной, вдруг став определенным.

– Это же Монумент? – Джек показал мне телефон с открытой страницей Гугл-картинок. Там памятник выглядел иначе – ярко освещенный на фоне ночного неба.

В действительности он был пониже и несколько пообветшавшим.

– Да-да, – я погладила памятник, как хорошо знакомую собаку. – Это он.

– Я подумал, что лучше проверить. Он не совсем похож.

– Но это он.

Теперь я понимаю, что это был поступок очень в стиле Джека. Он любил перепроверять, даже когда был уверен. Всегда и все проверял: симптомы в Гугле, выключены ли конфорки у плиты, заперто ли окно в ванной. Я всегда этому удивлялась.

– Не волнуйтесь, – улыбнулась я. – Вы не местный?

Я узнала акцент – шотландский, а не джорди, но точнее я сказать не могла. Не знаю, что заставило возобновить логично закончившийся разговор. Точно не его карие глаза, темные почти до черноты – радужки сливались со зрачками, не широкие плечи, не щетина на лице, хотя все это еще понравилось. Наверное, сперва меня привлекла его скромность. Хвастун Бен сделал бы вид, что узнал Монумент, даже если бы слышал о нем впервые. А Джек был застенчив, не напускал на себя уверенности. Это меня в нем заинтересовало.

– Ну да, – сказал он. – Я здесь на три месяца, пишу для «Сити лайтс».

Так все и началось.

С этой минуты время стало делиться на два периода: с Джеком и без Джека. Второй следовало проводить быстрее, чтобы опять быть с ним. Сердце билось громче, когда я после работы ехала к его дому. И эти первые минуты были лучшими. Не потому что он встречал меня поцелуем, прижимаясь ко мне всем телом, но потому что время становилось наполненным, растягиваясь, как после приема лекарства.

Пять часов с Джеком – лучшего рецепта быть не могло.

На родину Джека – в маленький шотландский город Обан – мы приехали поздно вечером в пятницу, чтобы пойти на регби в субботу. Мы уже не просто приезжали в гости – жили на два города. Походы в ресторан и прогулки по сельским дорожкам постепенно сменились более обыденными домашними делами: Джек разбирал свои старые учебники на чердаке, а я даже завела там зубную щетку.

В Обане почти всегда был туман. Контуры стоящих в гавани кораблей расплывались: видны были только корпуса, а мачты таяли в беловатой дымке. Облака висели неподвижно над домом родителей Джека, словно прибитые, будто их оторвали от общей массы и повесили здесь.

Его команда устроила прощальный матч для друга, которому травма шеи не позволяла больше играть. Я не пошла на игру, Джек сказал не заморачиваться. «Приезжай после семи вечера. Матч закончится, и начнется празднование».

Так что вместо этого я в одиночку прошлась по магазинам, перебирая детские комбинезончики и носочки, а в клуб поехала, когда игра кончилась. Джек послал мне длинное сообщение с инструкциями, и я не могла не улыбнуться: он был писателем, а текст – его средством общения.

«Когда войдешь в парк, иди по дубовой аллее налево, потом обойди вокруг и подойди к белой, а не темно-синей боковой двери. Пройдешь мимо раздевалок и попадешь в суету импровизированного бара. Ищи меня там: я высок, темноволос и невероятно красив».

Я простояла снаружи добрых десять минут. Надо было сразу входить, но я слишком нервничала. Мы с Джеком ждем ребенка, но почему-то встреча с его

друзьями пугала. Ни одного из них я ни разу не видела. Когда мы приезжали в Обан, его друзья всегда были заняты. Так что я перестала о них спрашивать – не из страха, а потому что было уже неловко. И вот сейчас мне предстоит с ними познакомиться.

Регби-клуб состоял из хорошо освещенного поля и обветшалого белого деревянного здания. В свете прожекторов клубился осенний туман, и от нагревателей на веранде шел пар. Там было не менее пятидесяти человек, которых я разглядела, когда глаза привыкли к сумраку. Они стояли, пили, курили, смотрели на траву.

– Привет? – раздался голос Джека, когда я замерла возле белой двери, держась за ручку.

Он возник рядом, похоже, только что из душа – волосы мокрые, – его горячие губы на моих в холодном воздухе. С веранды раздались приветственные возгласы, он улыбнулся и крепко обнял меня одной рукой за плечи, а другой гладил по спине. Я это обожала.

– Входи, познакомишься со всеми. – Он проводил меня на веранду по четырем шатким ступеням. Здесь пахло, как в конце лета: стриженым газоном, увядающей от жары травой. Пролитый сидр и сигареты. Мне это напомнило, как раньше мы с Кейт, моей сестрой, все лето ездили на велосипедах куда глаза глядят.

– Джей-Ди! – окликнул Джека крупный блондин. – Наконец-то ты нас познакомишь.

Я почувствовала, как Джек напрягся.

– Рейч, это Прайси. – Мы с Прайси пожали друг другу руки. – Прайси, это Рейчел.

Мое имя он произнес горделиво и со значением.

– Я много о вас слышал, – улыбнулся Прайси.

Может быть, так все говорят, но мне показалось, что это искренне. Джек приобнял меня за плечи. Мне понравилась эта теплая тяжесть, я улыбнулась.

Произнесено со значением: это Рейчел.

– Пойдем к бару? – предложил Джек.

Я взглянула на игровое поле, на мягкий вечер октября, который вскоре сменится бесконечным холодом, дождем и снегом зимы.

– Мне лимонад, – попросила я, – с ягодами.

Раньше я могла пропустить стаканчик вина, но это было до Джека и до Уолли. Учитывая, что Джек не пил, а мне было нельзя, мы предпочитали другие занятия. Раньше лето я проводила в уличных кафе, но в этом году был боулинг, мини-гольф и прогулки. Но оно было пьянящим, это лето.

– Пойдем, – позвал Джек.

И вот только тут до меня дошло, как Прайси назвал Джека. Я остановилась.

– Джей-Ди? – переспросила я у Прайси. Он же Джек Росс, без второго имени. – Почему не Джей-Ар?

– Это была моя любимая выпивка[8 - «Джек Дэниелс» – сорт виски. (Прим. перевод.)], – пояснил Джек.

Прайси посмотрел на него, потом кто-то хлопнул его по спине и он отвернулся. Джек показал в сторону бара и всю дорогу шел за мной, я спиной чувствовала его прикосновение. Кто-то пролил мне на руку холодное пиво.

Возле стойки я обернулась к Джеку:

– Но ты же не пьешь, «Джей-Ди».

– Я же сказал «была». Я пил, и прилично. – Он глянул на меня. – Тот еще был подарочек. Легкомысленный и полный идиот.

Я подошла к нему ближе. В первое время узнавать его было все равно как осматривать красивый английский сад: хочется найти новый кусочек, очередную тропинку, ведущую к следующему сюрпризу. И остановиться невозможно. Но этого я ему не сказала.

– Правда? Много пил? Не могу себе представить.

– Было дело. Но теперь у меня кот. – Он привлек меня к себе. – Я должен думать о нем.

Я не могла не улыбнуться. Мы оба любили делать вид, будто кот – отпрыск Джека. Хвалили, что тот хорошо спал, шутили, что торопимся отвезти его в детский сад. Еще одна из многих шуток, понятная только нам.

– Да, нехорошие привычки он бы приобрел с пьющим папашей.

– Вот именно. Начал бы выпивать с детства.

Джек улыбнулся. Руки у него были розовые, как на холоде, хотя у бара было тепло. Он меня поцеловал, и тут к нам подошли еще двое.

Они говорили с подчеркнуто аристократическим произношением, как многие врачи, с которыми мне приходилось работать за эти годы. И я всегда видела, что даже язык тела у этих людей другой.

Он будто говорил: «это мое место», где бы этот человек ни был.

– Я Роджер, – представился один из них, обращаясь ко мне. Он был высок и с неимоверно длинной шеей. Второй, Йен, тоже представился, и наступила неловкая пауза.

– Роджер – классический альфа-самец, – пояснил мне Джек.

– Не похоже, – засомневалась я.

Джек был выше и шире в плечах, чем эти двое.

– А ты ведь в душе бета-самец? – спросил Роджер.

Джек кивнул, застенчиво улыбаясь, и в этот момент я полюбила его еще больше, чем секунду назад.

– Среди горилл я был бы забитым и робким. Той обезьяной, которую все шпыняют. – Джек забавно наклонил голову, остальные засмеялись.

– Давно вы знакомы с Джей-Ди? – Йен обращался ко мне.

– Нет, недавно. С марта.

– А мы его сколько уже знаем? – Йен повернулся к Роджеру. – Двадцать лет? Двадцать пять? Каждую неделю виделись, пока он не слинял в Ньюкасл.

– Мы играли в категории младше девяти лет, вот еще с тех времен, – вспомнил Роджер.

– Значит, двадцать лет. Боже мой, мне все еще кажется, что мне двадцать один.

– Младше девяти. Звучит серьезно, – пошутила я.

– А чем ты занималась в таком возрасте? – поинтересовался Джек. Он часто обо мне спрашивал. Будто хотел, совершенно того не осознавая, знать все аспекты моей истории.

– Играла в скорую помощь Святого Иоанна[9 - Скорая помощь Святого Иоанна – международная организация, объединяющая большое количество организаций в разных странах, занимающихся обучением и оказанием первой медицинской помощи.], – ответила я, усмехнувшись. – Хотя у них был жуткий бардак, и меня это раздражало.

– Ты хотела этой конторой руководить? – спросил Джек.

– Очень.

– Я еще в футбол играл. Кроме регби, – вставил Роджер.

Но Джек не обратил внимания, он всегда продолжал говорить со мной, и тогда мне казалось, что есть только мы. От его интереса меня переполняла радость.

– Благодаря этому ты пошла в медицину?

– Ну да. Поиграв с куклами в докторов и сестер.

В ответ он улыбнулся мне и кивнул.

– Давай закажи даме выпить, – вмешался Роджер.

– Я буду лимонад, – повернулся к нему Джек.

– Время рыцарей закончилось? – усмехнулся Роджер.

Джек неохотно отвернулся от нас. И даже когда он стоял лицом к бару, опираясь на стойку, в пальцах зажата десятифунтовая бумажка, он все равно оборачивался и смотрел на нас.

– Так когда же у тебя были эти Джей-Ди годы? – не унималась я.

Джек резко обернулся, хотя уже начал делать заказ, и в итоге сказал «лимонад» не бармену, а нам.

– Какие годы? – спросил меня Роджер.

– Джей-Ди. Годы выпивки.

Роджер и его друг переглянулись в явном недоумении, потом снова посмотрели на меня. Джек отошел от стойки и оказался рядом со мной. Напитки он не забрал. Я посмотрела на него, недоумевая, но он не обратил внимания.

Короткий момент миновал, но я успела заметить не предназначенный мне взгляд, который бросил Джек. Отчасти предупреждение, отчасти вопрос: брови подняты, глаза широко открыты.

Не знаю, что заставило меня это сделать, но я демонстративно отвернулась, будто рассматривая здание клуба, а на самом деле украдкой глянула на Джека. Он сделал жест, который я толком не видела, но суть поняла. Он провел рукой по горлу: не пальцем, будто резал, а всей ладонью. Это означало – хватит.

Я повернулась к нему и нахмурилась, давая понять, что все видела; но его лицо было спокойным, взгляд такой же нежный и заботливый, как всегда.

– А где наш лимонад? – поинтересовалась я.

– Несут, – бросил он небрежно. И этот тон не соответствовал выражению на лице.

Я извинилась и, сделав вид, что у меня звонит телефон, отошла к своей машине.

Что это вообще было? Мне вдруг отчаянно понадобилось побыть одной, а лучше – поговорить с кем-то, кто меня хорошо знает.

Трава пружинила под ногами, как губка, под кустарником росли грибы. Я видела прожектора, туман, силуэты на балконе, иногда оранжевую дугу, когда кто-нибудь из курильщиков вынимал изо рта сигарету, выпуская струю дыма.

Рука легла на живот. Это не было тихое материнское прикосновение – я схватилась за него. У меня ребенок от человека, которого я едва знаю.

Мне нужно было поговорить с Одри, моей лучшей подругой. Мы вместе выросли, учились в одном университете. А потом она познакомилась с моим другом Амритом, который изучал акушерство. После этого я его почти не видела.

Я набрала ее номер.

– Что-то странное, – вздохнула я, когда она ответила. Слышно было, как она приглушила «Икс-Фактор» по телевизору и сказала Амриту, что это я.

– Привет, большой мальчик. – Это наша старая шутка. В тот день, когда они с Амритом взяли ипотеку, она мне сказала, что теперь точно стала взрослой, и мы в один голос произнесли: «Мы уже большие мальчики». Это было одним из тех невероятных проявлений долгой дружбы.

– Странное происходит, – повторила я.

Сделала шаг на месте, бедро заныло: это растягивались связки, приспосабливаясь к беременности, но я не могла принимать ибупрофен. Столько всего я не могла делать.

– В смысле?

– Я тут возле регби-клуба. В Обане.

Я закинула голову назад, стараясь успокоиться. Пыталась смотреть в шотландское небо, все еще синее в этот час октябрьского вечера – красивая белая ночь, – но защипало глаза, и я их закрыла. В моментально наступившей тьме мелькнуло мамино лицо, как это часто бывало. Интересно, где она сейчас.

– А, точно. И как оно?

– Очень странно.

– Он или ты?

– Он, его друзья. Они его даже иначе зовут: Джей-Ди.

– Джей-Ди? Почему?

– Говорит, когда-то это был его любимый алкоголь.

– И что? Ты вообще в порядке?

– Да ничего, хотя… не знаю.

Одри задумалась, я слышала это. Как когда в айфоне возникает и пропадает надпись «печатает», если отправитель стирает и начинает сообщение заново.

– Может, это у тебя… из-за беременности, – предположила она. – Ты же говорила, что плохо спишь, плачешь от рекламы туалетной бумаги. Не хочу быть совсем уж сексисткой, но…

Я пнула валяющийся на траве каштан. Какая-то пара села в машину и уехала, я попала в свет фар.

– Не знаю, – ответила я через пару секунд. – Только что в баре я поинтересовалась, когда вообще он пил. И тут стало странно, непонятный у них был вид.

Я села на капот своей машины, еще не остывший с того момента, как я приехала пятнадцать минут назад, полная надежд.

– Так что они ответили? – Одри говорила спокойно и как-то отстраненно.

– Ничего. Будто не поняли.

Мой голос звучал сдавленно, и это привлекло ее внимание. Она поняла, что я звоню не просто поболтать, на секунду выскочив для этого на улицу.

– Рейчел, что у вас там происходит?

– Просто у меня чувство, что однажды мой ребенок спросит про отца, а я не буду иметь понятия, что сказать. Совсем…

Тут у меня перехватило дыхание.

Я даже не рассказала ей об остальном, о чем размышляла во время ночной бессонницы. О том, чего мы лишились: заключения помолвки после нескольких лет ухаживания, радости попыток завести ребенка в медовый месяц. Все это не для нас. Для нас – сомнение на лицах собеседников. Знание, что ребенок получился случайно, а люди могут подумать: незапланированный – значит нежеланный.

– Да ладно, не морочь себе голову, – Одри пыталась меня успокоить. – Деткам надо девять месяцев, чтобы вылупиться, и это даст тебе время подготовиться. Очень скоро ты будешь знать Джека по-настоящему. И уж тем более к тому времени, как Уолли научится говорить.

– Понимаешь… он еще такой жест сделал… – Я поймала себя на том, что моя рука повторила его движение. Я поправила волосы и поежилась, сделала шаг в сторону, под ногой хрустнула ветка. – Будто велел им заткнуться.

– Серьезно?

Я закрыла глаза, ощущая вечерний воздух. Открыла и посмотрела в небо. Всего пара сотен миль от дома, а кажется, будто миллион.

– Я так думаю.

– Ты уверена? – В голосе Одри слышался скепсис.

Мы это уже проходили, с Беном, сразу после смерти мамы.

Я снова вспомнила жест Джека. Была так уверена… и все же. Может, он просто джемпер поправлял… Джек говорил, что ворот жмет, жаловался, что на фотографии в Фейсбуке выглядит в этом джемпере полным идиотом. Может, он не слышал. Может, и не беспокоился. Может быть… может быть, это я от обиды. А может, схожу с ума.

– Наверняка он ничего такого не делал. Будто он может себе такое позволить у тебя на глазах. Он… джентльмен, – сказала Одри. – Может, это как тогда с Беном.

– Может… – промямлила я.

Она отлично знала Бена, моего бывшего. Только она понимала все нюансы того, что у нас с ним было и что произошло на самом деле: в конечном счете, это мои обвинения прогнали его, – но и не только они. Она знала, что все оказалось к лучшему, на самом деле мы не были безумно влюблены друг в друга. И для меня он скорее был гарантией безопасности, чем бойфрендом. Про Джека она не

знала ничего.

– Видимо, та же паранойя, – решила я.

– Те же старые грабли, – слышно было, что беспокойство ее отпустило. – Они самые. Страх, что кто-то на самом деле не тот, за кого себя выдает. Беспочвенный страх.

– Может, ты и права, – согласилась я.

– Да не стал бы он делать такой жест прямо у тебя на глазах. Хочешь с Амритом поговорить? – спросила она с надеждой.

Ему тоже меня не хватает, подумала я.

– Нет, мне пора возвращаться, извини.

Мы попрощались, и я вернулась к Джеку. Он приобнял меня за талию, наши ноги тесно соприкасались. В воздухе висело напряжение. Ничего конкретного, ничего осязаемого. Скорее, множество мелочей: внезапное и резкое молчание, когда я пришла, будто кто-то отключил звук посреди рассказа; взгляды друзей Джека и покашливание Прайси.

– Что-то не то сказала? – попыталась я пошутить, но прозвучало неестественно.

– Нет-нет, – улыбнулся мне Джек.

Разговор возобновился. Точнее, как мне показалось, начался заново. Один из друзей Джека рассказал о новой собаке своей девушки, и вскоре атмосфера стала совсем иной – доброжелательной и теплой. Но мне это только лишний раз напоминало, какой она была пару минут назад: не то чтобы враждебной, но будто кто-то прячется за шторой, надеясь, что его не обнаружат.

Я повернулась к Прайси, надеясь поговорить лично с ним:

– А что это было такое… насчет Джей-Ди?

Я успела заметить его реакцию, хотя он тут же взял себя в руки. Но сперва глаза блеснули, брови взметнулись – мгновенное потрясение.

– «Такое» – это какое?

– Ну вот, он стал сразу какой-то чудной… когда вы его назвали Джей-Ди. И потом, когда я переспросила.

Я чувствовала на себе взгляд Джека, но сама старалась на него не смотреть. У меня всего несколько секунд, пока он вмешался.

– Я ничего такого не заметил, – ответил Прайси, не отводя взгляда.

А потом посмотрел в сторону, приподняв бровь. Решил, что это я странная. Параноидальная девушка Джека.

Мне все это померещилось. Я подняла глаза на Джека, он на нас не смотрел, не обращал никакого внимания. Получалось, что и это я выдумала.

Ушли мы чуть позже половины десятого. Джек повел меня через множество шутливых комментариев и мимо раздевалки, где он забрал свою сумку.

– Так-так, – сказал из угла раздевалки высокий человек с прической в стиле афро. Он стоял с сумкой через плечо и телефоном в руке.

– Мы тебя не видели, – сказал Джек. – Это Рейчел, а это Чарли.

– Да, – Чарли протянул мне руку. – Мастерс, очень приятно.

Это был один из тех моментов, когда лишь через несколько минут слышишь, что было сказано, и даже тогда не осознаешь. Дошло до меня только, когда я уже включала поворотник, выезжая с парковки.

– Как вы с Уолли? – спросил Джек, гладя меня пальцами по бедру. Он завел себе привычку так нас называть. – Можно заехать поесть карри. Еще же не поздно?

Джек всегда что-нибудь такое предлагал. Мне это казалось декадентством, капризом, ведь меня воспитывал папа, который сам варил пиво, чтобы сэкономить. Отец был суетлив, бережлив и всегда использовал купоны для скидок. Любил каждую неделю проверять давление в шинах – хотя оно было всегда одно и то же, – без всякой причины, просто реликтовый рефлекс из семидесятых.

Мама какое-то время терпела, потом ей стало надоедать. На первом приеме в больнице она сразу сказала, что все время, что она будет лечиться, папа будет возмущаться платой за больничную парковку. Конечно, ничего такого не было. Но вот такой была мама. Веселая, но колючая, и колкости всегда направлены на папу.

У семьи Джека стиль жизни был совсем другой. Они еще не спали, когда мы возвращались поздно вечером, ели сыр с бисквитами, пили вино, смотрели платное кабельное. Будто круглый год – Рождество. Веселые и счастливые. И никаких едких замечаний.

– Давай, – согласилась я.

Повернула руль, и тут в мозгу щелкнуло. Наконец-то дошел сигнал, возникший с той самой минуты, как я познакомилась с мужчиной в раздевалке.

Чарли Мастерс. Его звали Чарли Мастерс.

Побуждаемая любопытством, я спросила:

– Твой коллега?

Я показала пальцем назад, на клуб. Джек откинулся на пассажирском сиденье, задорно глядя на меня.

– Представь, если бы мы здесь жили, – сказал он, глядя на мелькающие огни гавани.

– Ага.

– У нас будто двойное гражданство.

– Тебя, меня и Уолли?

– Ну да. Он будет шотландцем или англичанином?

Джек улыбнулся. В полутьме машины глаза казались совсем темными.

Эту тему он поднимал часто. Он все продлевал и продлевал свой контракт с «Сити лайтс», но нам надо было решать.

Мы избегали этого вопроса, поднимали его вот в такие моменты: в машине, или на вечеринках, или прямо перед сном. Всегда в неподходящее время.

– Обан – тихий город и плюс к тому в Шотландии бесплатная медицина, – сказал Джек.

Тут я не могла не засмеяться: Джек вечно сидел на антибиотиках, когда в них не было необходимости, проходил обследования, которые не нужны, и обращался к врачам, хотя и боялся.

– Верно, – ответила я рассеянно, думая о другом. Выждала секунду, давая ему продолжить, но он молчал. – Так что с Чарли?

Обгоняющая машина сверкнула фарами в зеркале заднего вида и умчалась вперед.

– Нет, мы с ним только в регби играем.

Я молчала, размышляла. Ну, так что из того, Рейчел? Приятель по клубу послал ему письмо? Я мотнула головой, стараясь сосредоточиться. Спросить о письме я не могла, поэтому спросила о прозвище:

– Кажется, ты был не очень доволен, когда я заговорила о твоем прозвище?

– Почему ты так решила?

Мне понравилось это «почему». Я устроилась на сиденье поудобнее. Мое любопытство снова было удовлетворено.

– Ну, просто выражение лица…

– Я был идиотом. Молодым и пьяным. Катались на магазинных тележках – ну все такое.

– Угу, – кивнула я. Это можно было понять. Хотелось бы мне, чтобы он узнал, что я вытворяла в молодости? Как мы с Одри, девятнадцатилетние, исполнили как-то раз настоящий викканский[10 - Викка – западная неоязыческая религия, основанная на почитании природы.] ритуал в коридоре общежития, пока все остальные ушли в паб?

– Тут я тебя понимаю. Я не пила, но была той еще хулиганкой.

– Этого я не могу представить. – Джек ослепительно улыбнулся.

– Правда?

– Правда. Ты самая классная девушка в городе, – сказал он, но его интонация не соответствовала веселым словам. Она была напряженной. В ней чувствовался страх.

Дальше мы ехали молча.

Глава 6

Год назад

Я была дома, собиралась отсыпаться после ночной смены в больнице, ела ризотто. И тут вспомнила о том мальчике, и мне захотелось что-нибудь о нем поискать в Интернете.

Я никогда не искала информацию о пациентах, но с этим мальчиком было по-другому. И мне нужно было узнать о нем больше.

Я с легкостью нашла его в Твиттере. Он недавно запостил фотографию своей истории болезни с хэштегом #lovinglyf[11 - Люблю жизнь (англ., искаж.).]. И получил шестнадцать ретвитов – читателей у него было прилично.

В дверях появился Бен. Для него было утро, для меня еще ночь, будто мы в разных полушариях. Он сел на диван рядом со мной, из-под задравшейся футболки выпирал круглый живот. И пахло от него кисло и сонно.

– Что ты делаешь? – спросил он.

Наверное, у меня был подозрительный вид. Я попыталась прикрыть ноутбук, чтобы Бен не видел, но он забрал его и поставил себе на колени. Компьютер у нас был общий, и по утрам он любил читать какой-то игровой форум.

– Что это? – Он прокрутил страницу вниз. Несколькими постами раньше мальчик отметил свое местоположение в больнице. Бен приподнял белесые брови:

– Вот как, – удивленный, он повернулся ко мне. – Это пациент?

– Ага.

– А разве это… разрешено?

– Общедоступная информация. – Я пожала плечами, доедая ужин.

– Тебе не следует такое смотреть, – он показал на селфи с голым торсом, которое запостил мальчик. Там было видно его безволосое тело. «У меня были волосы на теле, клянусь», – гласила подпись к снимку. – Зачем ты это делаешь? – В голосе Бена прозвучала нотка порицания.

– Не знаю, – пробормотала я, не пытаясь объясниться.

Дело в том, что моей маме тоже недавно поставили диагноз. Может, мне нужно было посмотреть на страдание, чтобы его понять. И исцелить.

– Серьезно, не стоит тебе этого делать, – повторил он, захлопывая ноутбук с легким щелчком.

Я промолчала.

Глава 7

Сейчас

Я решила узнать у Джека про то письмо для порядка. Мне просто хотелось убедиться, что это ерунда. Как повторный анализ крови для подтверждения, что проблема решена.

Я не стала спрашивать его вечером в кровати. Комнаты были холодные и гулкие, было слышно даже тиканье часов из комнаты его родителей, усиленное каменными стенами и пустотой.

И на следующий день, когда мы гуляли с огромными собаками его родителей, с Моцартом и Себастьяном, я его не спросила. Все нас обогнали, оставив под дождем, и наконец мы были одни, как никогда до этого в Обане.

Все выходные я боролась с желанием задать свой вопрос. Сама себя терзала, подмечая каждую возможность, и в животе сворачивался ком, – но не спросила. Точно так же было с Беном, когда я не сомневалась, что он меня обманывает. Всегда искала подтверждения. Рылась в его спортивной сумке, гадая, не найду ли распечатанную упаковку презервативов. Краем глаза заглядывала в его телефон, пытаясь разобрать сообщения. «Безумие», – говорил он, и так оно и было. «Неумение доверять, – сочувственно назвала это Одри. – Может быть, это как-то связано с твоей мамой?» И я тогда отвернулась, не в силах встретиться с ней взглядами. Дело было в том, что мама умерла. И оказалась не той, за кого себя выдавала. Вот так.

Дом у Россов был просторный, стоял среди гор Шотландии. Глядя на него снаружи, я ожидала каминов и покрывал на уютных диванах, но внутри дом выглядел иначе. Уютным он не был, но и современным тоже – оказался холодным, обветшалым и старым, с розовой ванной комнатой из восьмидесятых и коричневым диваном с продавленной спинкой. Тонкий слой пыли лежал почти повсюду, на полках стояли грязные стаканы. Дело было не в недостатке денег, а в чем-то еще, в каком-то снобизме. Как мне казалось, они хотели, чтобы дом выглядел неухоженным. Чтобы возникало ощущение правильной старины.

Так что, в конце концов, я решилась в тот момент, пока на огромной кухне Джек поздно вечером поджаривал тосты. Заняло это три минуты.

Его мама ходила туда-сюда: носила свежее выстиранное белье, хлопала дверью на улицу и наводила порядок в обувном шкафу. Вся семья Джека были совами.

– Мне тебя не хватало, – заметил Джек, когда я вошла в кухню.

Я только вышла из душа, настраиваясь на разговор.

Джек сидел в джинсах и в мягкой серой футболке. Босые ноги слегка шлепали по полу, когда он ходил по кухне.

– До чего же это смешно, – сказал он. Затем, обернувшись ко мне, добавил: – Ближе не подходи.

– Приветливо…

Я уже готовилась спросить его о письме, но остановилась. Сверху послышались шаги.

Это был Дэйви, младший брат Джека. У него были проблемы с учебой. Режим его дня был необычный, и часто он поднимался только после полудня. Любил космос и играл в World of Warcraft. Ко мне он относился хорошо, хотя мы редко пересекались. Иногда он спрашивал у меня, как дела, хотя, кажется, это его нервировало. О себе он тоже не любил рассказывать. Когда говорил, то слова будто сыпались: запутанно, нелогично, хаотично.

– Я серьезно, – добавил Джек. – Стой, где стоишь.

Вот тут я их увидела – дощечки с пружинками, выстроенные аккуратным рядом на оранжевом кафельном полу кухни. Выжженное клеймо V на каждой, в центре буквы крысиная морда.

Крысоловки.

– Эм…

Я не знала, что делать. У папы была ловушка, с помощью которой он спасал попавших в дом пауков и иногда шмелей, осторожно выпуская их потом на улицу.

– У нас тут проблема.

– С чем? – спросила я, хотя уже знала ответ.

– Крысы. Большие деревенские крысы. – Джек улыбнулся, изобразив волчий оскал. – Прости. Понимаю, это очень неприятно.

На первом курсе у Одри был бойфренд, который у себя в коридоре общежития держал клетку с двумя крысами. Когда она с ним порвала, мы его прозвали Роландом[12 - Крыса Роланд – кукольный персонаж британской телепрограммы.]. И каждый раз, когда он проходил мимо, мы смеялись. Счастливые времена, когда мы ели спагетти, жаловались на учебу и вместе красили ногти. Как будто это было в другой жизни.

– Началось все с мух.

– С мух?

– Ага. Сперва здесь летали мухи, штук двадцать. Потом за холодильником обнаружилась дохлая крыса, и мы достали с чердака крысоловки. Так бывает в конце каждого лета. Каждую осень они появляются, и мы ничего поделать не можем – слишком много укромных уголков: один загороди, другой найдут.

Я никогда не жила в сельской местности. Подростком слушала стук поездов метро и гул автобусов. А тут – жутковатая и туманная окраина Обана. Страдания издохшей за холодильником крысы. Ловушки. Чужой каменный дом.

– Мама с папой ждали, чтобы я приехал и поставил крысоловки, сами боятся.

– А ты боишься подергивания собственных грудных мышц, но крысы тебя не пугают?

– Верно.

Джек вытащил пятую ловушку, открыл, развернул ее, как книжку, и поставил на пол у моих ног.

– Они ночные твари, – пояснил он.

– А как они… – Я показала на крысоловку.

– Разбивает череп.

Он стоял, прислонившись к столу, и оглядывал крысоловки. Одну подвинул ногой. На каждой была какая-то капля.

– Арахисовое масло. – Джек заметил мой взгляд. – Они его любят.

– Боже мой, – произнесла я, глядя на пол и представляя себе, что тут будет утром. – Нельзя ли просто…

Джек не стал заканчивать мою фразу, не протянул мне руку, не стал утешать. Он только смотрел на меня с любопытством.

– Я хотела сказать… ты же их убьешь.

Мне не хотелось отвлекаться, уходить от темы письма, но я ничего не могла поделать.

– Рейч, у нас нет выбора. Иначе они будут всюду.

– Хм…

Я не могла оторвать взгляда от крысоловок, представляя себе утреннюю картину сломанных крысиных шей. Они умирают сразу или мучаются? Видят ли они смерть других крыс? Понимают ли они, что это такое – ловушки и что на них охотятся и убивают?

– Это, наверное… наверное, гормоны беременности, – промямлила я.

Ком застрял в горле. Со мной часто бывало, что эмоции одолевали. Ощущение странное.

– Ой, нет, только не плачь. – Джек одной рукой обнял меня за талию, другой погладил по голове. И я припала к его груди, мое дыхание тут же стало спокойнее. – Сельская жизнь, да? – шепнул он мне.

– Суровая, – кивнула я. – Особенно если тебя переполняют гормоны.

Интересно, мелькнула мысль, бывало ли так с моей матерью? Думаю, нет. Она никогда не хотела до меня дотронуться, обнять. Всегда держалась прямо и жестко. Никогда не забуду момент, когда она, умирая, потянулась к моей руке. Ее ладонь была холодной и костлявой, но мне понравилось это ощущение – касание материнской руки.

Джек издал невнятное сочувствующее мычание. И целый век мы стояли в полутемной кухне среди ловушек.

– Хочешь, я не буду этим заниматься? – спросил он. – Перестану, если ты против.

– Не надо, – ответила я.

– В последний раз, когда я делал это прошлой осенью, я еще был одинок.

– А сейчас вот-вот заведешь семью.

– Ага, – сказал он радостно, и по лицу его расползлась широкая улыбка. – Сам своему дурацкому счастью не верю.

Он сунул в тостер хлеб и сыр.

– Грубиян, – буркнула я, хотя в душе была довольна. – Разве не слышал, что надо держаться хладнокровно?

– Не могу. Рядом с тобой не получается.

В этот момент мама Джека, Синтия, крикнула, что надо покормить собак. Тогда я заговорила. Он стоял спиной ко мне, с пакетом корма в руках, и собаки нетерпеливо бежали к нему. Кажется, они знали, что надо избегать крысоловок. Джек завел с ними неторопливый разговор: «Сегодня вечером, господа, у нас в меню консоме из восстановленной говядины с гарниром из картонных сухарей. Не желают ли господа вина?» Собаки смотрели на него. Он повернулся ко мне с улыбкой, но я не могла достаточно сосредоточиться, чтобы поддержать шутку.

– Я кое-что видела у тебя на айпаде, – начала я. – Когда мы с тобой лежали в постели, в прошлые выходные. Письмо… от Чарли Мастерса.

Выдавить из себя слова «зверское преступление» я не могла.

Теперь собаки смотрели на меня и молчали. Внимательно. Джек смотрел на собак.

– Всегда хотел кошек. Собаки – они такие…

Я молчала.

– …такие примитивные. Посмотри на них, – он весело улыбался, глядя, как они следят за всеми его жестами. – Их только еда интересует. А котов – философия.

Я не могла не засмеяться. И он тоже смеялся, проигнорировав мой вопрос.

Я попробовала снова:

– Так что с письмом?

Я внимательно смотрела на Джека, но ничего: он не покраснел, не запнулся, рука его не задрожала и не остановилась, он не выронил корм и не отвернулся от меня.

– Что с ним?

Джек нагнулся и стал насыпать корм в миски. Моцарт лизнул ему руку, оставив на пальце влажное пятно. Джек цыкнул на него, потом погладил Себастьяна по спине. Моцарт сунул морду в пакет, и Джек рассмеялся.

Потом взгляд его черных глаз остановился на мне.

– Все никак не могу перестать о нем думать, – продолжала я. Мысли в голове выскакивали в беспорядке, налезая друг на друга, как лемминги, падающие с обрыва. – Я все гадала… там ведь было про Дугласа, который что-то сделал?

– Мэтт Дуглас – наш старый друг, – ответил Джек. – Он напал на одного типа, отлупил его возле бара.

– Вот как? – Я переспросила, но уже почувствовала, как уходит напряжение из шеи и плеч.

– Угу. Это было, конечно, странно.

Он выпрямился и убрал пакет с кормом.

На меня пахнуло маслом «Олбас» – у Джека была осенняя простуда, – и сладковатый аромат напомнил мне, как в детстве родители капали масло на мою подушку. У меня всегда глаза слезились от его запаха. И сестра его не любила, когда мы спали в одной комнате.

– Там было что-то про «зверское преступление», в том письме. Звучит серьезно, – я не могла остановиться. Про себя еще вспомнила, как Чарли извинялся, что вытащил эту историю.

– Ну, можно сказать, драка была зверская. – Джек нахмурился и пожал плечами. – И началась внезапно. Тот парень ударил Мэтта бутылкой, и Мэтт слишком сильно дал ему в зубы, так, что череп треснул.

– И зачем Чарли писать тебе об этом?

– Не знаю. Видимо, наткнулся на какую-то статью.

– Он же там извинялся, что снова ворошит эту историю.

– Да, это неприятно было. Для каждого из нас.

Конечно, извинения адресату, это не значит, что история о нем. Но ведь там было именно: «твою историю».

Я старалась не слишком пристально наблюдать за Джеком, но это было увлекательно. Кажется, ему было все равно, словно ничего необычного или он превосходный лжец. Лицо его было совершенно бесстрастно. И все же я не могла забыть, как его лицо изменилось, когда он только прочел письмо. Или мне это показалось?

Он погладил Моцарта, поднял на меня глаза и улыбнулся. Тост как раз был готов, и запах плавленого сыра вызвал у меня тошноту – привет от первого триместра. Разговор продолжился. Мне казалось, что наш диалог – это отплывающая лодка. Веревки быстро скользили из рук по мере того, как мы удалялись от берега, и скоро будет уже слишком поздно, чтобы притянуть лодку обратно. Это и заставило меня бросить якорь, остановить лодку:

– Так это не имеет к тебе отношения? – я натужно засмеялась. – Ты не был замешан?

Я не могла не спросить.

Джек медленно обернулся. Тост обжигал ему пальцы, и Джек бросил его на поднос. Я раскрыла все свои карты этим вопросом, но он не обратил внимания.

– Спать пойдем? – поинтересовался он.

Он не собирался отвечать. Ни слова. Да мне и не нужен был ответ, правда же? Риторический вопрос, неудачная шутка.

Пауза затянулась. Хотя он мог утверждать, что неловкости не было, но это не так. Я это чувствовала точно так же, как точное время, даже если только проснулась, или что у пациента случится остановка сердца. Просто была глубоко уверена. Джек продолжал возиться, стараясь не смотреть на меня. Я попыталась заполнить паузу.

– Не знаю, но я…

– Джек! – окликнула его мать, входя в кухню со стопкой книг. – Когда переедешь обратно, не мог бы забрать их в свою комнату? А то валяются тут.

Я повернулась к Синтии. Она почти всегда носила блузку и кардиган. Я никогда ни на ком не видела настоящую двойку, кроме как в американских фильмах пятидесятых годов.

Когда она вошла, я, как всегда, замолчала. Синтия меня в упор не видела, тоже, как всегда. Посмотрела снимок УЗИ, и на этом все, никогда не интересовалась, есть ли у меня братья и сестры, в каком университете я училась. Она постоянно использовала помаду одного и того же розового оттенка. Однажды утром я увидела ее ненакрашенной – она казалась привидением.

– Ну, мы еще не знаем, какие наши планы, – ответил Джек матери.

– Мы оба живем в Ньюкасле, – добавила я, не сдержавшись.

Его мать вздрогнула от моего произношения: они говорили название города с ударением на первый слог, но все местные знали, что правильно на второй.

– Ну, решим, – сказала она.

Я снова посмотрела на Джека. Он безмятежно резал тост, взгляд устремлен на стол. Я, конечно, мало его знала, но была уверена, что его мысли лихорадочно крутятся вокруг просьбы матери.

Три дня после нашего первого свидания я искала информацию о нем в Интернете. А кто бы так не делал? Я просмотрела его Фейсбук, потом поискала в Гугле – единственное, что удалось найти, его статьи и что-то про благотворительность. Я искала новости и фотографии мужчины, чьи губы впервые целовали меня на мосту Тайн два дня назад.

Фейсбук Джека был почти полностью скрытым, а проситься в друзья было еще рано, но я могла посмотреть его друзей. В результате я тщательно изучила профиль его матери, абсолютно завороженная этим процессом. Наверное, потому что моя мама умерла совсем недавно. Вот в тот момент у меня и сложилось мнение о ней.

Джек посмотрел на мать.

– Не думаю, что Рейч всерьез хочет переезжать сюда.

– Ну а ты?

– Нет, если она не захочет.

Он быстро оглянулся на меня. Мою маму он не упомянул, и я была рада этому.

Когда Синтия вышла, я повернулась к Джеку с выражением ожидания на лице. Но он на меня не смотрел, и в конце концов, пришлось спросить:

– Мы закончили? Про Дугласа?

– А что ты хочешь знать? Спрашивай.

Выражение лица Джека и его готовность говорить уняли мою тревогу, будто свечу задули. Письмо было о его друге. И это было настолько неважно, что он даже мне не ответил, когда я спросила. Значит, это была ерунда.

Но, как всегда бывает, на месте одной тревоги возникла другая – Обан.

– Твоя мама сказала… почему она думает?.. Я не могу переезжать. Отец, и вообще. Все так недавно случилось.

– Я знаю.

Он потянулся и открыл окно.

Потянуло туманным сельским воздухом, паутина на окне, подсвеченная уличными фонарями была покрыта каплями вечернего дождя. Настоящая осень.

Я вспомнила, как впервые рассказала Джеку о маме. Я выдавала ему информацию частями, понемногу: сначала про Бена, потом про маму. Мне не хотелось, чтобы он решил, что у меня проблемы – нерешенные и застарелые. Слушал он внимательно, не сводя с меня глаз.

Второй раз, когда мы говорили о маме, я плакала, рассказывая ему всю правду: я не всегда ее любила. Однажды она накричала на Кейт за проигранный теннисный матч, когда та пыталась перейти в большой спорт. И мне она говорила, что не надо идти в педиатрию, потому что это не престижно. Она постоянно цеплялась к отцу, и нас это смущало. После ее смерти он узнал, что у нее был роман с их общим другом. Это переменило все – их прошлое, наше будущее. Одна выплывшая наружу правда – и все сломалось.

– Это все запутанно, – сказал Джек. – Это твоя мама, она умерла, и ты ее любила. Хотя она и была неверной женой, и не всегда хорошо с тобой обращалась.

Он поднял ладони, как чаши весов. Тут я впервые поняла: обе стороны могут быть правы, а истина – сложная штука. Я могла любить ее, и мне могло не хватать ее, и я могла тосковать по ней – все одновременно.

Сейчас, у себя на кухне в Обане, Джек слегка мне улыбнулся:

– Пусть Уолли выбирает. Здесь чертовски пахнет горелым хлебом.

Он откусил большой кусок и протянул тост мне. Я тоже откусила, чувствуя зверский аппетит, хотя минуту назад так ужасно пахло подгоревшим. Джек осторожно снял у меня с подбородка ниточку сыра и облизнул палец. Потом спросил как ни в чем не бывало:

– А как получилось, что ты видела мою почту?

Я запнулась, не зная, что ответить, и он оставил тему.

Письмо Мэтта Дугласа было забыто. Я лежала в постели, живот чесался. Он был еще крошечным, но уже начинал ощущаться, кожа растягивалась. Спала я плохо.

И думала об Обане. Я совершенно не знала, как это – быть шотландцем. Не знала, за что выступает шотландская национальная партия, никогда не была на эдинбургском «Фриндже[13 - Фриндж – крупнейший в мире фестиваль искусств. Ежегодно проходит в Эдинбурге начиная с 1947 года.]», любила ясные весенние дни в Ньюкасле, закат над мостом Тайн. Мне нравилось звучание родного акцента.

Но, слушая обанскую ночь, я думала, что могу полюбить и это: постоянное ощущение осени, уют, клетчатые сувенирные лавки и смешные синие пятифунтовые бумажки[14 - Банк Шотландии печатает собственные пятифунтовые банкноты голубого цвета.]. Я прислушалась к тишине Обана: ни машин, ни самолетов, иногда ухнет сова.

И тут я услышала щелчок, как выстрел строительного пистолета, как звук ножа на точильном камне. От испуга я села в кровати, и Джек, не просыпаясь, взял меня за руку.

Я сидела, прислушиваясь. Одеяло упало. Услышала еще один выстрел.

Крысоловки.

Внизу погибали крысы.

Глава 8

В понедельник вечером мы вернулись в дом Джека в Ньюкасле, который купили его родители, когда он заключил контракт с «Сити лайтс» и ему нужно было

несколько месяцев пожить возле центра города. Работа была временная, но они решили, что потом жилье можно будет сдать. Денег у них столько, что, если даже никто не захочет его снимать, это их не особенно огорчит.

Они нам купят дом в Обане, только бы мы переехали. Это было соблазнительно: настоящий дом, а не квартирка, стены которой дрожат от проезжающих мимо грузовиков.

Мы стояли в кухне. Одри должна была заехать за мной через пять минут. Поход в кино – ритуал, появившийся после смерти мамы, чтобы чем-то заменить отсутствие ее телефонных звонков. Мы смотрели все подряд. И каждый просмотренный фильм, каждое съеденное мороженое добавляло еще одну шутку в наш репертуар. У нас были шутки из мультфильма «История игрушек», и из «Безумного Макса», и из фильмов про инопланетян. Про все.

– В Обане я сплю намного лучше, – заметил Джек.

Он все чаще заводил этот разговор, почти каждый день, – об Обане и переезде.

– Если не считать крыс, – ответила я. В то утро Джек убрал их без единого слова, чтобы я не видела. – Это тебе Говард спать не дает, а не Ньюкасл.

Кот был одержим Джеком. Каждый день точно в восемь часов он ждал его пробуждения, и если Джек не вставал, начинал громко мяукать.

– Ты все выходные на автоматическую кормушку пялился? – спросил Джек через всю комнату, обращаясь к спящему на диване Говарду. Потом улыбнулся, достал из буфета стакан и наполнил его водой из крана.

– Ты по нему скучал. – Я накрыла ладонью его руку.

– Я либо по нему скучаю, либо по тебе. Кроме тех случаев, когда вы оба со мной. В моей постели.

– Говард, твоя вторая любовь.

– Мы могли бы жить здесь… Где угодно. Вместе.

– Может быть… только…

Я не могла объяснить собственных колебаний. Это было все, о чем я мечтала. Я познакомилась с его друзьями, с его семьей. Он впустил меня в свою жизнь. Я должна была быть счастлива.

Зазвонил домашний телефон. Джек взглянул на дисплей, где высветился номер, потом на меня.

– Не буду брать трубку, – сказал он скорее сам себе, чем мне.

Щелкнул автоответчик. У меня его никогда не было. Приходить и проверять сообщения – это мне всегда казалось сценой из «Секса в большом городе». «Говорит Джек. Сейчас меня нет дома. Пожалуйста, оставьте нам с Говардом сообщение».

Я улыбнулась этим словам, но потом мы услышали глубокий вдох и голос матери Джека.

– Привет! Я как раз… – Джек резко оживился, стал нажимать кнопки на трубке, но голос матери продолжал говорить: – …хотела тебе сказать…

Наконец он нажал кнопку ответа, хотя громкая связь осталась включенной.

– Привет, мам, мы тут с Рейчел! – поспешно начал Джек. – Расслабляемся.

Хотя это было не так. Мы стояли в кухне, пили воду, я собиралась уходить. Вряд ли это называется «расслабляемся».

Я нахмурилась, не сводя с него глаз. То ли мне показалось, то ли… нет. Вполне нормально сразу сказать, с кем ты. По крайней мере, в этом нет ничего странного. Или все же… Рейчел, хватит, зануда ты, одернула я себя. Бен никогда мне не изменял. Джек вообще ничего такого не сделал, это все у меня в голове. Кейт согласилась бы. Она говорила папе, что озабочена моим состоянием после разрыва с Беном. Он это передал мне в своем дипломатичном стиле. Я не отреагировала, но не забыла.

«Озабочена». Какой странный и многозначительный выбор слова.

– Отлично, Джек. Рада, что вы дома и все нормально.

– Ага, – он, наконец, сумел отключить громкую связь и заканчивал разговор.

– Проверяет, что мы нормально добрались, – сказал он мне, направляясь в гостиную и садясь рядом с Говардом.

Я смотрела ему вслед. Между кухней и гостиной была широкая арка, и комната была хорошо видна. Вот как раз такие вещи и вызывали у меня нежелание жить с Джеком. Мелочи, но они меня настораживали, обостряли интуицию. Ту, что заставляла открывать почту по ночам, размышлять о переглядках в регби-клубе.

Шестое чувство всегда со мной, я на нем врачебную карьеру построила. Результаты анализов и исследований и вот это – чутье. Они отлично сочетались. Я вспомнила о малышке Грейс.

«Кровь у нее хорошая, – сказала мне младший доктор Натали год назад. На левой штанине голубой медицинской формы у нее было масляное пятно. Мы как раз ели тосты, когда нас позвали посмотреть на анализы девочки. Натали не полагалось работать с новорожденными, но у нас не хватало рук.

Был август, она только закончила медшколу. Лицо у нее было серым от напряжения, губы потрескались. Поймав ее взгляд, я улыбнулась.

«Не всегда будешь так себя чувствовать, – сказала я ей, вставляя иглу в ногу Грейс и беря кровь. – Повторный анализ, – пояснила я. – Не нравится мне ее состояние».

«Спасибо. Я не так себе представляла работу врача».

Прядь длинных рыжих волос выбилась из пучка, когда она склонилась над результатами анализа, высматривая аномалию, которую не заметила.

Натали прошла медшколу на одном дыхании и без переэкзаменовок, я в этом не сомневалась. И вот она здесь, со мной, и легкая жизнь кончилась. Для нее было

откровением, что на этой работе иногда нужно подойти к интубированному пациенту прежде, чем выпить утренний кофе. Она не понимала, как можно идти домой, ужинать, пить вино, отдыхать после всего, что здесь видела. Это все равно как с войны вернуться. Я тоже когда-то так себя чувствовала. Время и опыт – анестезия от всего этого. Но с меня это оцепенение сошло.

«Смотри, – начала я, а Натали тщательно изучала бумаги. – Нет, на нее посмотри».

Она подняла взгляд. Кожа у девочки была серая, цвета зимнего неба, на верхней губе виднелись капельки пота. Младенцы не должны потеть. И цвет у них не должен быть таким.

«Она больна», – сказала я.

Стоял липкий августовский день, когда все ощущается наоборот: внутри холодно, снаружи тепло, даже ночью, и у меня тоже на верхней губе выступил пот. Эти дни и ночи в дымке совершенно сюрреалистичны. Я завтракала, приходя домой, и сразу ложилась спать, потом ужинала, проснувшись. Сказать наоборот, тоже получалось неправильно: ужин, когда я приходила утром, и завтрак вечером. Выспаться не удавалось, собаки Бена постоянно меня будили.

Пришел повторный анализ Грейс: начался сепсис. Я была права, как и подсказывало мое чутье, которому я верила год за годом. В том месяце мама заболела, а умерла в октябре. Я не заметила начала болезни. Ни один врач не уловил бы: рак поджелудочной начинается почти бессимптомно.

И все-таки я же могла заметить? Разве не должен был инстинкт подсказать мне насчет собственной матери?

Я положила руку на живот и поклялась, что с Уолли буду смотреть в оба: все замечать и сразу действовать.

Из кухни я посмотрела в гостиную, где был Джек.

– Немножко нереально, правда? – окликнул меня Джек низким и чувственным голосом.

Я постаралась не поддаться ему. Не дать погасить то ощущение напряженности, какое всегда было у меня в доме Джека.

Говард теребил мягкую ткань его джемпера. Джек держал телефон, и экран светил ему на лицо.

– Что именно нереально? – переспросила я.

– То, что мы так счастливы.

Мы часто говорили о том, как мы счастливы, как нам повезло, как странно, что мы оба любим есть вишни в желе прямо из банки и не любим передачу The One Show.

– Да, – ответила я, не в силах сдержать улыбку. Почувствовала, как меняется настроение, уговорила себя уйти из темноты своих предположений в этот теплый свет.

Он похлопал по дивану рядом с собой, и я подошла. Джек смотрел в телефон – я видела, что там открыта переписка в Фейсбуке, хотя он быстро закрыл страницу. Похоже, это и решило дело.

Подспудное чувство, довольно смутное, сменилось конкретным действием. Я выждала несколько секунд перед тем, как спросить:

– Что там было?

– Там? – Джек обернулся ко мне.

– В сообщениях.

– Каких сообщениях?

– В личных сообщениях на Фейсбуке. У тебя они были открыты. А когда я подошла ближе – ты закрыл страницу.

– Не было такого.

Я сидела рядом с ним, ощущала запах его дезодоранта и шампуня. Пахло чудесно, но странно было сидеть так близко, когда разговор принял такой оборот. Будто сидишь на пляже и загораешь, хотя начался дождь.

– Ты закрыл сообщения, – повторила я. А потом, как героиня сериала, протянула руку ладонью вверх.

– Что это ты? – удивился Джек он смотрел то мне в глаза, то на мою ладонь.

– Хочу посмотреть эти сообщения.

– А я не хочу.

Он немного отодвинулся от меня.

– Тебе есть что скрывать? – спросила я, и все, что вызывало мое любопытство, стало складываться в нечто большее: письмо о зверском преступлении, кличка Джей-Ди…

– Нет, – он смотрел на меня в упор. – Но я не хочу, чтобы моя девушка проверяла мою переписку.

– Мне нужно увидеть эти сообщения. – Я была настойчива. Тревога последних недель взорвалась вулканом. Сейчас или никогда.

Джек взял телефон, лежавший на диване экраном вниз, открыл Фейсбук и протянул мне. На экране было семь сообщений: групповая рассылка регби-клуба, мама благодарила за приезд, приятель прислал картинку: писатель за пишущей машинкой… Я листала дальше. Ничего.

Ничего подозрительного или тревожного. Никакая подружка не шлет строчку поцелуев. Никто не присылает зловещих статей, которые рекомендует прочесть. Ничего.

Облегчение было огромным, как инъекция счастья. Ничего такого не было. И он мне это продемонстрировал.

– Боже мой, – сказала я, зажмурившись. – Прости, прости меня. Я…

Джек снова внимательно посмотрел на меня. Он был лучше Бена. Он не огрызался, не злился, а проявлял заинтересованность. Разглядывал меня.

– Ты помнишь Бена, – начала я. – Как только я ушла с работы, то стала обвинять его в изменах. А этого не было. Я обвиняла его в ужасных вещах. Однажды Бен взял запасные трусы в тренажерный зал, и я сказала – это потому, что он там завел бабу. Это было… – я посмотрела на Джека, проверяя, слушает ли он, – …это словно безумие. Я казалась невменяемой.

– Понимаю, – спокойно сказал Джек. – Ты думаешь, это связано с твоей мамой?

– Возможно, но не знаю точно. Наверное, да. Или от того, что я не принимала лекарства. Может, все вместе, стечение обстоятельств. Ощущение, что нельзя никому доверять… и ничего невозможно проверить. – Я сделала паузу, чувствуя, что начинает щипать глаза. – Прости меня. Я тебя люблю сильнее, чем Бена, и…

Джек положил руку мне на колено. Небрежно, будто на свое собственное.

– Тшш… – Он смотрел мне в глаза. – Никогда, никогда не буду тебя обманывать. – Он поднял три пальца: – Слово брауни[15 - Брауни – девочки-скауты.].

– Ты был брауни? – хихикнула я.

– Ну нет. Я был мужественным бойскаутом-волчонком.

– Разумеется, – продолжала улыбаться я.

– Спасибо, что сказала мне о своем сумасшествии. Я думал, я один такой.

Вот это мне в нем особенно нравилось: что он понимает и прощает мои неврозы. Я придвинулась ближе. Он машинально приподнял руку, и я прижалась к его груди.

– Могу сказать тебе еще одну вещь?

Я старалась перейти эту грань, понять, что он за человек. И как можно быстрее, пока Уолли не появился на свет. Поэтому я хотела рассказать ему одно из ранних детских воспоминаний.

– Я буду очень рад, если ты расскажешь мне еще что-нибудь о себе.

Джек всегда любил слушать мои истории. Не просто кивал, как делал Бен, побуждая меня быстрее заканчивать рассказ. Не говорил: «Да, ты мне это уже рассказывала» или «Мне кажется, ты слишком на этом зацикливаешься».

– Когда мне было лет пять, я думала, что все, у кого большой живот, ждут ребенка.

Я ощутила, как он смеется, а кот недовольно заелозил.

– Ты невероятно милая, – Джек старался выглядеть серьезно, хотя вокруг глаз засветились лучики. – Так что мамы и папы…

– Один из них рожал ребенка. Они сами выбирали.

– Вот это равенство! А когда ты поняла?

– Уже в медшколе, – пошутила я, и он улыбнулся.

– Люблю узнавать новые черточки Рейчел.

Так он это называл.

После двух месяцев нашего знакомства он составил список и опубликовал его вместо еженедельной колонки под заголовком «Пятьдесят черточек моей девушки, которые я обожаю». Начиналось так: «1. Как она закидывает голову назад, когда смеется по-настоящему». Я читала со слезами на глазах. Никто и никогда ничего подобного для меня не делал.

– Давай мы сделаем это, – попросил он тихо, и я знала, что он имеет в виду под «этим» и «мы». И что-то в его откровенном желании, в его явной любви ко мне заставило меня согласиться.

– Я выставлю свою квартиру на продажу.

– И переедешь жить с нами?

Он расплылся в широкой улыбке, глаза сияли. Все его тело вдруг сразу стало спокойным, будто долгие месяцы жило в напряжении.

«С нами» стало решающим. С ним и с Говардом.

– Да, – сказала я.

– Но придется куда-нибудь переехать. На новое место.

Потом я все думала про Мэтта Дугласа. Взяла в ванную айфон, поискала о нем информацию в сети. Ни одного подходящего результата. Будто Мэтт Дуглас никогда ничего не делал: ни нападения, ни «зверского преступления». Но как я могла сказать об этом Джеку?

Я вбила в поиск заголовок письма, не удержалась. «Ничего не найдено».

Удовлетворенная результатом, я выключила телефон и со стуком уронила его на пол рядом с ванной.

Глава 9

Год назад

– Можно еще подождать, – говорила я мальчику. На ноге у него была фиксирующая конструкция, кожа в пятнах и синяках, будто покрытая черной плесенью. – Можем пока оставить фиксатор.

– Эта штука весит четыре кило, – ответил он. – Достала уже. И ведь нет гарантии, что кость вообще срастется.

– Да, – согласилась я. – Но альтернативой будет…

– Хочу избавиться от этого, – настаивал он, – покончить с этим. Не будем продлять мучения.

– Поговорю с твоей мамой. Не надо мне было обсуждать это наедине с тобой.

– Потому что я ребенок?

Широко разведя руки, я честно ответила:

– Да.

– Вы удалили почти всю кость. Давайте с этим закончим. – Он отвернулся от меня.

– Посмотрим, – я поправила ему постель, хотя это и не моя обязанность.

Он посмотрел на меня:

– Все это бессмысленно. И только отвлекает.

– Отвлекает?

– Вся эта чушь – насчет спасти ногу. Ни к чему тратить время, лекарства, все эти ресурсы. Не надо ее спасать. Я видел, какие сейчас протезы, прекрасно ее заменят. Давайте не упускать из виду главную цель.

– Поверь мне, ты в хороших руках. И никто не отвлекается.

– Рейч, мне очень страшно.

– Я знаю.

– А вам?

– Страшно ли мне? – переспросила я.

У него на подоконнике стояла ваза с подсолнухами. Конечно, не полагалось держать цветы их в палате – слишком большой риск микробного заражения для иммунноослабленного пациента. Но он сам собрал букет и так был ему рад, что я отступила от правил.

– Да. За меня. Только честно.

Он посмотрел на меня, глаза у него были темно-синие, почти фиолетовые.

Я ответила честно:

– Да. Я бы хотела, чтобы у тебя не было этого диагноза и мы могли гарантировать излечение и быстрое срастание твоих костей.

– Отрежьте ногу. Хотя бы с этим закончим.

– После операции будет совсем иное настроение. Обратно не пришьешь.

– Как говорится, «если есть у человека «зачем» жить, он вынесет любое «как».

– Откуда цитата?

– Ницше.

– Так ты, оказывается, нигилист?

На его лице появилась улыбка. Во время лечения он заинтересовался философией и все время выдавал что-нибудь такое. Мне это нравилось, я запоминала подобные моменты из бесед. Иногда это напоминало разговор с вундеркиндом или пророком.

– Нет, просто цитата нравится. Когда опять начнется химия, мне станет лучше.

Он был прав. Ампутацию провели через две недели. Хирург сказал, что у мальчика «неожиданно трезвый взгляд на жизнь». Такое ощущение, что он знал больше, чем любой из нас.

Об операции я в тот же день рассказала Бену. Он не всегда слушал рассказы о работе, а для выражения радости и соболезнования использовал одни и те же готовые фразы.

– А, тот, которого ты искала в Гугле, – кивнул Бен.

Он часто так отвечал, словно хотел подчеркнуть, как мы много разговариваем.

– Не знаю прям… С мамой… и вообще все – это как-то параллельно идет.

Маме поставили диагноз как раз перед тем, как я впервые увидела мальчика. У меня в сознании они были связаны.

У нее рак и у него. У мальчика гиперопекающая мама, а моя – пофигистка.

– Знаешь, что я тебе скажу, Рейч? – говорил Бен с заботой в голосе, но с интонацией человека, которого запутывают ненужными сложностями. – Не стоит так в этом копаться.

И включил свою игровую приставку.

Я ничего не ответила: он был прав.

Глава 10

Сейчас

В следующие выходные у отца Джека был день рождения.

Мы снова ехали по шоссе. Казалось, что мы с Джеком растянулись, как дешевая упаковочная пленка – пятнистая и замятая, – в попытках узнать друг друга, родственников, всех друзей и все сразу и до появления ребенка.

Наши отношения резко набрали скорость, будто мы запрыгнули в товарный поезд.

Жаль, что он мне в прошлый уик-энд не сказал о нашей следующей поездке. Хотя я могла и не запомнить этого, ведь даже не сразу могу вспомнить, когда у Джека день рождения.

Дорога занимала пять часов, все это время машину вела я. И естественно, все пять часов моросил дождь и работали дворники – гипнотизирующее зрелище, что тоже не облегчало вождения.

– Снова по M74, – сказала я между прочим.

– Да? Я и не знал.

– Как ты мог не знать? – покосилась я на него. Он застенчиво улыбался. Типичный неводитель. Ничего не знал – ни какая дорога куда ведет, ни как куда добраться.

У нас с Одри было свое словечко для взрослых, не водящих машину, – мы называли их «недоростки». У них был целый набор признаков. Например, это люди, которые не могут постирать или погладить одежду. «Недоросток», – иногда шептала мне Одри, когда в кино показывали очередного мужчину-мальчика.

Я про себя гадала, что она думает о Джеке.

– Но ты же получил права? – спросила я у него.

– Ага.

– И что? Больше никогда не садился за руль?

Я нахмурилась, когда это сказала. Обан все-таки не Лондон, там пришлось бы водить, ведь город довольно протяженный.

– Всегда был в стельку.

Джек вытянул ноги и одной рукой обнял меня за плечи.

– Понимаю, – улыбнулась я.

– Я водил до двадцати с чем-то лет. Немножко. А потом несколько лет назад перестал. Сейчас все навыки потерял.

– А почему перестал?

– Да просто отвык.

– Гм… я к тому, что в прошлые выходные мы тоже ездили по M74, вот и все.

– Хорошо, мистер Ворчун, – рассмеялся он.

– Я?

– Ага.

Он лениво потянулся. Его рука лежала у меня на плече. Было приятно и тепло. Хотя у меня на талии уже появился новый слой жирка, а я-то наивно думала, что будет только пузо.

– Просто дорога очень долгая. Хорошо бы было дома посидеть. Субботнее утро, расслабиться под «Нетфликс»[16 - Нетфликс – американская развлекательная компания, поставщик кабельных фильмов и сериалов.]. – Я покосилась на него.

– Ты сказала – «расслабиться под «Нетфликс»?

– Да.

– Тебе же почти тридцать, – смеялся Джек.

– Ты вообще знаешь, о чем я?

– Знаю, знаю.

Я почувствовала, как приятное ощущение растекается по телу. Джек всегда производил на меня такой эффект.

– А отчего нам не «расслабиться под «Нетфликс» в Обане? – предложил он.

– Хм…

– Там же тоже дом, – добавил Джек, и дразняще-заигрывающая атмосфера испарилась.

Я могла это понять. Он жил в Ньюкасле всего лишь с того времени, как встретил меня. Семь месяцев, почти ничего.

Он даже толком не знал, как протекает Тайн, в отличие от местных жителей, всегда понимающих, слева река или справа. Его не воспитывал папа – урожденный джорди, – который любит сидеть и попивать коричневый ньюкаслский эль. Да и неинтересно это ему было. Там у него было временное пристанище, а потом он познакомился со мной, и тогда все переменилось. Но Джек не любил Ньюкасл, во всяком случае, не так, как любила этот город я. Ему он казался неряшливым, а местные жители – непонятными. Джек так не говорил, но я видела это по взглядам, которые он кидал на «изнанку» города: массовые холостяцкие вечеринки по субботам, магазин «Примарк» с граффити со словом «надежда» на стене, социальное жилье. Там ощущалась смертельная ненависть

к Тэтчер. Обан был далеким, богатым и пустым – полная противоположность Ньюкаслу.

– Я экспат, – сказал он. – Кочевник. Иностранец.

– Да какой ты иностранец, – возразила я.

Хотя, может, он и был им.

Наступило молчание. Шел дождь, как всегда на этой дороге. Джек достал два печенья «Вэгон уилз».

– Поделиться не хочешь? – спросила я, меняя тему.

– Да, – ответил он, медленно протягивая мне одно. – Ты очень, очень особенный человек.

– Спасибо, – ответила я серьезно, беря у него печенье.

– С джемом. Самые лучшие. Их не так легко найти.

– А много их у тебя? – Его замечание меня развеселило. У него всегда был запас.

– Примерно сто штук, – ответил он, зевнув. – Один из сотрудников на кассе в супермаркете уверен, что у меня постоянные вечеринки.

Мы остановились на заправке. Он пошел за кофе и вернулся с подушкой для облегчения геморроя при беременности. Отдавая ее мне, он с трудом сдерживал смех.

– Увидел вот это и подумал о тебе, – сказал Джек, прикрывая рукой проказливую улыбку.

– Ну, спасибо. – Я взяла у него подушку. – Зачем она тебе так срочно понадобилась на заправке?

– Кто знает, когда может поразить геморрой, – засмеялся он.

Протянул мне кофе без кофеина – мой любимый «Старбакс карамель макиато», – а когда я его взяла, он повернул стаканчик другой стороной. На ней черным маркером было написано: «Рейчел лучше всех!»

– Ты попросил их это написать? – засмеялась я.

– Я им сказал, что это мое имя.

В Обане мы были в десять вечера.

Расслаблялись под «Нетфликс» – в одиннадцать.

Отец Джека, Тони, хотел прогуляться по случаю своего дня рождения. Синтия лихорадочно доделывала три вида кексов. Она была из тех людей, которые вечно заняты, но всякими пустяками. Из тех людей, над кем мы с сестрой тайком смеялись, когда в наши двадцать с небольшим были заняты настоящим делом: я – медициной, Кейт – теннисом. У нас в те времена все получалось, и это сделало нас высокомерными. Наша мать была госслужащей и все время работала. Так мы и росли.

Однажды, вскоре после маминой смерти, Кейт спросила меня, хотела ли я, чтобы все у нас было иначе: заботливая мать, которая устраивала бы пикники в саду и строила с нами домики. Я сказала «нет», не потому что это было правдой, а потому что мне не хотелось об этом говорить. И Кейт перестала спрашивать.

– Если мы идем гулять, то пора уже выходить, – поторапливал Тони.

– Почему ты пораньше не предупредил? – зашипела на него Синтия. – Для Дэйви, – добавила она.

Они ушли, дуясь друг на друга. Я посмотрела на Джека вопросительно.

– Брат не любит новых мест, – сказал Джек. – И куртку надевать не хочет.

– Не хочет? – переспросила я, мне было интересно о нем поговорить. Я не знала, какой у него диагноз. Были у меня некоторые предположения, но ни одно вроде бы не подходило.

– Просто он любит, чтобы все было без перемен, – пояснил Джек.

– И всегда он был такой?

– Да. – Джек оперся локтями на кухонный стол. – Странно было так расти, когда у тебя вот такой… особенный братец.

– Про своих пациентов я всегда интересовалась, как у них с братьями и сестрами. Они тоже страдают.

– Потому что ты была хорошим врачом, – кивнул Джек. – Но я не страдал на самом-то деле. Дэйви прекрасен, такой непосредственный! В пятнадцать лет он как-то на почте схватил маму за руку и спросил, почему вон у той женщины усы.

У Джека на щеках появились ямочки. Эта улыбка у него была для меня, для людей, которых он любит.

– А какой у него… – начала я.

– Аутизм. И еще кое-что. Он совсем как ребенок.

Тут появился Дэйви, тяжелыми шагами спускаясь по ступеням. Он был тощий, с длинными тонкими руками и ногами. Бледная кожа, темно-красные губы и ярко-синие глаза.

– Вот и ты, – сказал ему Джек ласково. – Прогуляться хочешь?

– Нет.

– Мы не просто так, у нас миссия. Как в игре World of Warcraft.

Дэйви посмотрел на него с подозрением.

– Правда? – спросил он ровным голосом.

– Да, друг. Ты возьмешь меня в состав своей миссии?

Я повернулась к Джеку, но он на меня не смотрел.

Редкий случай, когда ему было все равно, о чем я думаю. Например, что World of Warcraft – дурацкая игра.

– О’кей, – согласился Дэйви. – О’кей. Если… а это миссия гарнизона? С выходом?

– Конечно, – Джек улыбнулся Дэйви, тот смотрел на ботинки.

– О’кей.

– А сегодня – ты знаешь, что сегодня?

– Что?

– День мусора! – объявил Джек.

Дэйви любил вывозить наружу мусорные контейнеры. Он делал вид, будто это делают лошади.

– Ура! – Дэйви радостно взмахнул руками.

Я пошла в гостиную посмотреть погоду за большим окном. Стекла искажали вид: туман казался еще более гнетущим, то гуще, то реже – под каким углом смотреть. Вошла Синтия, чтобы надеть уличные сапоги, стоящие в углу.

– Где он? Снова глазеет на свою чертову родинку? Я его уже дважды на этом ловила.

– Джек?

– Да, Джек. Жуткий ипохондрик. Как это врачи называют – истерия?

– Так и есть – ипохондрия, – ответила я. – ОКР, обсессивно-компульсивное расстройство.

Когда я проходила общемедицинскую практику, то иногда рассказывала Одри про ипохондриков, которых там видела. Мы смеялись, обсуждая наше непрофессиональное поведение. Одри вспоминала самые забавные судебные дела, а я ей как-то рассказала о пациенте, который жаловался на «непонятное широко распространенное болевое ощущение на коже», а на самом деле он обгорел на солнце.

– Вот. Оно.

– Он всегда такой был? – спросила я, стараясь лучше понять Джека.

Тревога обычно не возникает из ничего, особенно с обсессивным компонентом. Что-то должно спровоцировать. У меня так было, и я без психиатра разобралась. Где-то в глубине моего разума мамин роман пустил корни, как стойкий сорняк, ядовитое растение. Именно из-за него я думала, что все не так, как кажется, но сопротивлялась этим мыслям. Я надеялась, что когда-нибудь Джек расскажет мне о своем прошлом. Я задумывалась об этом, когда он по три раза проверял, выключен ли газ.

– Джек? Да ничего подобного. Самый спокойный ребенок, какой только бывает, – сказала его мать.

Погода была дождливая, туманная. Но это не портило обаяние места, а даже усиливала его. Обан в туманную погоду смотрится лучше. Мне под пеленой тумана тоже было спокойнее.

Мы шли к озеру Лох-Мелфорт. Оно было ярко-синее, даже при мелком дожде, и волокнистые облака над ним плыли словно обрывки сахарной ваты. Шотландский вереск переливался розово-зеленым ярким узором.

Я думала, мы собираемся пройтись вокруг озера, но, когда дошли до него, я увидела, что это маленькое море. На том берегу едва виднелись холмы, а здесь вода плескалась о камень и сланец берега. И даже пахло морем.

Сразу на берегу стоял дом, не было ни палисадника, ни ограды, просто холм спускался прямо в воду. Мне нравилась эта простота в Шотландии. Я посмотрела на запад, на холм, через который мы только что прошли. Его покрывали вечнозеленые деревья, согнутые, извитые, вздымающиеся в тумане, кажущиеся выше, чем на самом деле. Облака неслись быстро, как в ускоренном видео. Воздух был сырым.

– Милая Шотландия? – спросил Джек, следя за моим взглядом.

Я кивнула.

Здесь были только мы: Джек, его родители, Дэйви. Собаки убежали вперед. Никого вокруг не было. Я одолжила макинтош у мамы Джека, который она молча передала мне в машине.

Дэйви побрел прочь. Он любил быть один, неразборчиво разговаривал сам с собой. То и дело он оборачивался и делал Джеку знаки, держа воображаемое оружие из World of Warcraft и укрываясь за деревьями.

Джек смеялся, кричал ему в ответ: «Берегись выводка драконов!» и «Бабах!»

– Ты играешь? – спросила я. – С Дэйви?

– Ну нет, это невозможно, ему все надо контролировать. Но я кое-что почитал об игре. Чтобы достучаться до него, говорить на его языке.

– Тогда, если Уолли станет гиком…

– То виноват буду я.

Мы отстали от остальных, Джек держал меня за руку, его ладонь была теплой и влажной от дождя.

– Смотри, – он подвел меня к кустарнику. Блестящие красные ягоды напоминали гранатовые семечки, необычно яркие при этой серой погоде. – Медвежья ягода, – он сорвал красный лист и дал мне. – Довольно редкое и очень шотландское

растение.

Он выпрямился и улыбнулся.

– Интересно. – Я сунула руку под плащ и положила лист в карман кофты. Поверхность листа была шершавая, как мозолистая кожа.

Некоторое время мы шли молча, держась за руки. Он всегда протягивал мне руку, где бы мы ни были: в отделе сыра в супермаркете, на пути от машины до ресторана, даже если идти было меньше десяти шагов.

Вдоль озера нам навстречу шла другая пара. Мы прошли мимо. Пожилая женщина в лиловой флисовой кофте уставилась на Джека, ее живые голубые глаза ярко блестели. Выражение лица было странным – будто не верит своим глазам. Я моргнула, и вскоре они были уже позади нас.

Но что-то все-таки случилось. Через пару секунд кто-то закричал.

Это та женщина обернулась и кричала, но ветер уносил ее слова. А руками она показывала на нас с Джеком. Я инстинктивно двинулась к ней, но Джек протянул руку и остановил меня. Мне показалось, что он держал меня слишком крепко.

Но не только сильная хватка, было что-то еще. Он сгруппировался, будто собравшись перед ударом. Его родители остановились как вкопанные. И только у Дэйви был вид, передающий мое состояние: недоумение, желание выяснить, что происходит. Он быстро глянул на меня и отвел глаза – нечасто он встречался взглядом с другими. Синтия протянула руку, чтобы его остановить – в точности как Джек меня.

К нам подошел Тони, отец Джека. До того он был в хорошем настроении, радовался подаркам и прогулке, но сейчас его поведение резко переменилось. Глаза широко распахнуты, руки протянуты к нам.

– Зачем она здесь? – тихо спросил он у Джека.

Двое стояли примерно футах в двадцати и продолжали на нас смотреть. Женщина перестала кричать, она старалась убрать волосы за уши, на лице страдание.

– Не знаю, не знаю, – ответил Джек. – Мне не известно, где они теперь живут. Я не знал. – Он оглядывал озеро. – Я полагал, тут никого не будет.

Никогда я не видела Джека таким. Он был в отчаянии, заламывал руки, не отводя взгляда от женщины.

Ее кофта сливалась с вереском, волосы упали на лицо, прилипли, мокрые от дождя. И, будто что-то решив, она двинулась к нам. Почти бегом. Женщина приближалась к нам, то и дело поскальзываясь на траве и вереске, ветер развевал длинные седые волосы у нее за спиной. Я тут тоже оступалась: земля промокла, как губка, и уходила из-под ног неожиданно.

Отец обернулся к Джеку. Он всю жизнь занимался бизнесом – своя вискарня, – и было видно, что он умеет справляться с неожиданностями.

– Как они узнали?

Джек прищурился, глядя на женщину, идущую к нам широким шагом.

– Не думаю, что они узнали, – ответил он. – Не повезло.

– Давай отойдем с главной дороги, – позвал нас Тони, показывая на участок дороги вокруг озера, чуть более заросший, чем остальные.

Отвернувшись от женщины, мы неуверенно поднялись по склону. Я подчинилась, не зная, что еще делать. Ведь наверняка же вскоре кто-нибудь все объяснит…

Женщина остановилась у подножия склона, по которому поднимались мы. Муж кричал ей вслед, умоляя оставить нас в покое.

Я не думаю, что наш уход заставил ее отступить. Нет, по какой-то другой причине она выглядела опустошенной – отвернулась, закусила манжету кофты и зарыдала.

А потом, перед тем как решительно уйти, она повернулась и выкрикнула одну только фразу, хлестко прозвучавшую в шуме ветра и дождя.

– Как вы можете спать по ночам? – спросила она с сильным шотландским акцентом.

Не могу сказать, к кому это относилось. Упрек был брошен нам всем, стоящим на ветру.

Она отвернулась и пошла прочь, а мы двинулись дальше вокруг озера тропой, идущей повыше, обходя следы диких животных и растения, твердые стебли которых путались в ногах.

– Что это было? – спросила я у Джека тихо, когда женщина ушла.

Ее еще было видно вдали – она убирала волосы назад, тряся головой, сгибаясь под ветром.

Родители Джека обернулись и уставились на меня. На лицах у них было странное выражение, конечно, если я его не придумала. Кажется, это было осознание.

– Пусть тебя это не волнует, – сказал Джек сдавленным голосом.

– Кто она?

Джек обернулся к родителям:

– Просто тетка, затаившая злобу на отца.

Я моргнула. Вообразить себя в подобной семье я просто не могла. Против моего папы никто никогда не таил злобу – даже при его странных привычках выключать перед сном все электроприборы и каждое утро стучать по барометру.

Я перехватила взгляд, которым обменялись Джек с отцом. Что он значил, мне было непонятно, но казалось, нечто важное.

– Я купил землю возле ее дома, заплатил застройщику. Потом поставил там фабрику, – сказал Тони, слегка пожав плечами. – Фабрика дымит. А там нетронутая шотландская сельская местность, зеленый пояс. Дело дошло до суда, было очень неприятно. Не ожидал их увидеть снова. – Он махнул рукой в ту сторону, откуда пришли двое.

Он говорил снисходительно, будто считал женщину сумасшедшей хиппи или кем-нибудь в этом роде. Но я так не думала. У меня перед глазами стоял ее страдающий образ; запомнилось, как она убирала волосы от лица. Мне казалось, что она горевала. Такого я видела достаточно.

Синтия энергично кивала. Потом все отвернулись от меня, а ветер и дождь так разошлись, что больше вопросов я задавать не могла. Только Дэйви то и дело оборачивался ко мне и даже вытягивал шею. Его синие глаза блестели на осеннем солнце.

Потом я увидела, что Джек оставил у меня на руке синяки. Я их заметила, когда принимала душ.

– Ты ее тоже знал? – спросила я у Джека, когда мы были с ним одни.

Мы стояли на террасе, солнце садилось за прудом. «Замковый ров», – подразнила я Джека при первом приезде, и он застенчиво улыбнулся.

– Кого? – переспросил он, оборачиваясь. Джек пил сок, и его пальцы оставили на стакане следы. – Восхитительно, клубничный сок.

– Женщину у озера.

– А! Знал, да.

Я ждала. Он теребил волосы.

– В эти юридические дела были втянуты мы все. Просто ужас. По сути, папа отобрал кусок ее земли под свою фабрику. Это… она реагировала очень

эмоционально.

– Не без причины, – заметила я.

– Да. Но мы создали кучу рабочих мест. Во время экономического спада, – продолжал Джек. – Хотя это было действительно ужасно. У меня из-за нее душа болела.

– Она тебя узнала.

– Да. Пока шло дело, она будто именно ко мне обращалась. Думала, что я ей сочувствую – тем более что так и было. Травматично вышло для всех.

– Похоже на то.

Мы замолкли.

– А был только Бен? – Джек глядел на меня искоса, поднося стакан ко рту.

– Только Бен?

– Из бывших, – он говорил обычным тоном, но, видя, что я насторожилась, добавил: – До меня вдруг дошло, что ни разу не спрашивал об этом.

– Да, – ответила я. – По сути, да. Настоящего бойфренда у меня до него не было. Мы были молоды. А у тебя?

– Никого серьезного. Ничего такого, как сейчас.

– Как что? – спросила я, зная, что напрашиваюсь на комплимент. Я ждала, что он свернет разговор на ребенка, поскольку это куда серьезнее, чем все прошлое.

Он так не сделал, а ответил, глядя на меня:

– Любовь.

– Никого до меня не любил? – спросила я, не в силах перестать улыбаться.

– Так – нет. – Он опустил глаза, ковыряя бетонный пол босой ногой. – Ты – необыкновенная.

Собаки во дворе бегали по лужам под прохладным осенним солнцем.

– А ты собачник? – Я все еще улыбалась.

– На самом деле нет. У нас всегда были кошки. И я хотел еще кошек. Они, кстати, ловили крыс.

– Тогда почему теперь собак держите? – Я гладила двумя пальцами шелковое ухо Моцарта. Интересно, подумала я лениво, будет ли так делать Уолли, когда ему будет год? Или два?

– Мы… не знаю. Просто завели собак несколько лет назад. Без причины.

Сказал так быстро, будто чуть не проговорился о том, о чем следовало молчать.

* * *

Мы все не ложились допоздна. Для меня это не было проблемой: я бросила попытки спать ночь напролет. Собственное тело в кровати ощущалось бесформенной кашей, и я просыпалась чуть ли не каждый час.

Даже Дэйви остался с нами. Он отложил свою миссию, хотя в основном молчал. Пожилую даму с озера не вспоминал никто.

Внизу все играли в настольную игру, я спустилась последней. Жаль, что при этом не было Кейт – она бы надо мной смеялась, а не ужасалась, что я не знаю, когда были последние выборы в Испании. У меня и Кейт с общей эрудицией было совершенно ужасно. Я однажды созналась, что не знаю, где на карте Ирак, а она не знает, как восходит солнце.

Джек тоже веселился, но еще, кажется, смутился, сразу же напомнил, что я работала в больнице.

– В какой области? – спросил Тони.

На нем были очки для чтения, и он посмотрел на меня сквозь них. Взгляд у него был несколько тяжелым – я бы не удивилась, узнав, что он когда-то работал дипломатом или занимался политикой. У него был вид очень серьезного и властного человека: седеющие волосы, складки на лбу, никаких морщин от смеха. Ничего похожего на Джека.

– Педиатрия.

– А сейчас ты кто?

Я запнулась. Синтия зажгла свечи, и свет менялся, когда шевелилось пламя.

Кто я? Женщина, девушка Джека, дочь, сестра, подруга.

– Ничего медицинского, – выбрала я ответ.

– Понятно, – сказал Тони. – Понятно, – второй раз он произнес эти слова медленнее.

Мы с Одри прозвали отца Джека «серебристая спина» – как доминантного самца стаи горилл, – хотя она его никогда не видела. Он должен держать все под контролем, руководить разговором.

– Здравоохранение слишком хлопотно? – продолжил он.

Именно такой была моя официальная отговорка. Долгие смены, судебные иски, график, лишающий социальной жизни, постоянное давление на психику. Хотя на самом деле все это меня никак не беспокоило.

– Да, – кивнула я. – Перестало радовать.

Мне хотелось рассказать обо всем, что заставило меня уйти. О событиях той чужой холодной зимы. О буре, разметавшей всю мою жизнь. Но я не стала, не могла так просто обсуждать смерть матери за настольной игрой. Объяснять, что я почувствовала, увидев, как родители Джека совместно готовят чай.

Укол ностальгии. Не говоря обо всем остальном.

Потом, когда все поднялись наверх, я пошла в коридор достать телефон из сумки. У меня была привычка брать его в постель, посмотреть Фейсбук, ответить на сообщения Кейт, она спросила: «Как тебе васильковые холмы?», выложить в Инстаграм свои уютные ножки в постели с Джеком. Это было приятное занятие для позднего вечера, когда мы с Джеком вместе.

Дэйви все еще был в гостиной в конце коридора – он любил задувать свечи. Одна из его странностей.

В гостиной еще светились янтарные отблески, мальчик обходил комнату, его тень падала на дальнюю стену. Когда Дэйви наклонялся задуть очередной огонек, видно было, как шевелятся волосы его густой и непослушной гривы. Он так часто расчесывал ее пальцами, что она почти всегда стояла дыбом. Мне были видны лишь его контуры в темноте – черные на оранжевом фоне, – но я увидела, что он поднял руку и тень шевельнулась. Потом этот жест повторился – Дэйви подзывал меня.

Я прошла по коридору, спустилась на три ступеньки в гостиную. Там горели только две свечи – высокая церковная свеча на каминной полке и свечка-таблетка в фонаре на подоконнике. Комната была почти погружена во тьму, Дэйви стоял в середине. Он был высоким, как Джек, но тощим и узкоплечим.

Дэйви поманил меня подойти поближе. Я осторожно приблизилась к нему в темноте.

– Ты же не знаешь? – спросил он, глядя вниз, на пыльную красную дорожку.

Я нажала на телефоне кнопку home, чтобы осветить помещение и рассмотреть Дэйви. Его лицо, красноватое от свечей, стало призрачным, сине-зеленым. На

стене над камином висел портрет предка. Кто-то из прежних Россов, олицетворяющий передаваемую по наследству вискарню, основанную при королеве Виктории, и старые почтенные деньги, наращиваемые поколениями.

– Чего не знаю?

Я старалась не смотреть на жутковатый портрет за его спиной – очень похожий на Джека: тяжелый лоб, серьезные глаза, широкие плечи.

Дэйви смотрел в пол. Он вообще редко глядел на кого-нибудь, а сейчас точно не стал бы.

– Что было, что расстроило женщину.

– Женщину на озере?

Я смотрела на него, мысленно заклиная взглянуть на меня. Никогда еще я не слышала от него такой связной речи.

Дэйви не обратил внимания на мои слова, прошелся по комнате, задул свечу на камине. У меня погас экран телефона, и наступила темнота, чуть разгоняемая маленькой свечой на подоконнике, которая отражалась в окне, так что виднелись два крошечных огонька, хаотично мечущиеся в ночи.

– А что было?

Дэйви опять оставил без внимания вопрос и задул последнюю свечу.

Все стало черным.

– Про смерть, – сказал он. – О том, что… Джек спланировал.

И тут же Дэйви вышел из комнаты. Я тихо его окликнула, но он не остановился. Слышно было, как он поднялся по лестнице, скрипнула дверь, и я осталась одна.

К спальне Джека я взлетела стремительно, будто за мной гнались.

Дверь в комнату Дэйви была закрыта, изнутри слышались взрывы.

Джек сидел в кровати, держа в руках книжку Кейтлин Моран «Как быть женщиной».

– Дэйви сейчас кое-что сказал.

Джек загнул уголок страницы, но не встревожился.

– Про ту женщину, – добавила я.

– Какую женщину? – Джек покраснел.

– Он сказал, что женщина кричала из-за того, что случилось. Из-за чьей-то смерти. А потом добавил… – Я остановилась. – Потом сказал, что у тебя был план.

Я специально перефразировала слова Дейви.

Джек застыл с полуоткрытой книгой в руках и смотрел на меня.

– Господи! – воскликнул он. – Ты прости, он иногда пугает гостей и моих друзей.

– А что он имел в виду?

– Ничего, Рейч. Он не знает… сам не понимает, что говорит. Смысла в этом нет.

– Правда? – спросила я, припоминая произошедшее.

Да, может, и правда Дэйви не очень сам себя понимал. И потом: как часто он бывает в здравом рассудке? Вряд ли вообще когда-нибудь.

Я разделась и залезла под одеяло. Джек обнял меня, как всегда, и я протянула руку, чтобы выключить свет.

Закрыла глаза, притворяясь спящей. Через несколько минут дыхание Джека стало глубоким и ровным. Снаружи не было вообще никаких звуков. Совсем. Ни отзвуков далекой дороги, ни соседей. Тишина давила на уши.

И тогда я что-то услышала. Крик лисицы. Как детский плач в ночи.

Мне нужно было навестить Дэйви у него в комнате и спросить, что он имел в виду. Я не могла преодолеть любопытства, и это был единственный способ его увидеть. Из своей комнаты он выходил только по заранее известным поводам. На следующее утро, сославшись на недомогание из-за беременности, я поднялась наверх, но остановилась возле двери Дэйви.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Где Уолли?» – серия детских книг, в которых нужно найти героя – Уолли – на картинках, где изображено множество людей. (Здесь и далее прим. редактора.)

2

Пак-чой – китайская листовая капуста.

3

Пальпитация – усиленное сердцебиение.

4

Pointless – британская телеигра, цель в которой предположить наименее популярный ответ и заработать наименьшее количество баллов.

5

«Анатомия Грей» («Анатомия страсти») – американский телесериал, в центре сюжета которого жизнь и работа врачей госпиталя, в котором и разворачиваются основные действия.

6

Монумент – памятник графу Чарльзу Грею, установленный в центре Ньюкасла в поддержку избирательной реформы 1832 года. Итоговый проект закона был предложен Ч. Греем, который в то время был премьер-министром Великобритании.

7

Джорди – уроженец Северо-Восточной Англии и также название диалекта данной территории.

8

«Джек Дэниелс» – сорт виски. (Прим. перевод.)

9

Скорая помощь Святого Иоанна – международная организация, объединяющая большое количество организаций в разных странах, занимающихся обучением и оказанием первой медицинской помощи.

10

Викка – западная неоязыческая религия, основанная на почитании природы.

11

Люблю жизнь (англ., искаж.).

12

Крыса Роланд – кукольный персонаж британской телепрограммы.

13

Фриндж – крупнейший в мире фестиваль искусств. Ежегодно проходит в Эдинбурге начиная с 1947 года.

14

Банк Шотландии печатает собственные пятифунтовые банкноты голубого цвета.

15

Брауни – девочки-скауты.

16

Нетфликс – американская развлекательная компания, поставщик кабельных фильмов и сериалов.

Купить: https://tellnovel.com/_/vse-krome-pravdy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити